

A romantic couple is shown in a close embrace, nearly kissing. The man, with dark hair and a light beard, wears a light blue button-down shirt and a silver watch. He is holding the woman's face gently. The woman has dark, wavy hair and is wearing a light-colored, possibly lace-trimmed, dress. They are standing on a balcony or terrace with a railing. In the background, there are tall evergreen trees and a mountain range under a warm, golden light, suggesting sunset or sunrise. The overall mood is intimate and romantic.

Саша
ГОРСКАЯ

Самый
ДЛЯ БОССА
ИСЦЕЛИ МОЁ СЕРДЦЕ

Саяна Горская

**Санаторий для босса.
Исцели моё сердце**

«Автор»

2025

Горская С.

Санаторий для босса. Исцели моё сердце / С. Горская —
«Автор», 2025

— Если ты знаешь верный алгоритм, то можешь без труда взломать женское сердце, — улыбаюсь старику-соседу. — Дурость это! — Шесть ходов по моему авторскому методу обольщения, и любая женщина моя. — Так уж любая? — Не веришь? Смотри. Так начинается моя самая странная игра. Пари с друзьями загоняет меня в допотопный санаторий, и чтобы не помереть со скуки я ставлю новую цель: растопить сердце местной снежной королевы в белом халате. Но на каждый мой шаг у неё есть саркастический парирующий удар. Я играю по собственным правилам: ломаю шаблоны, провоцирую, исчезаю, возвращаюсь, — и, кажется, неизбежно приближаюсь к ловушке, что поставила сама Любовь.

© Горская С., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	15
Глава 5	18
Глава 6	22
Глава 7	26
Глава 8	29
Глава 9	32
Глава 10	36
Глава 11	40
Глава 12	44
Глава 13	46
Глава 14	49
Глава 15	52
Глава 16	55
Глава 17	58
Глава 18	61
Глава 19	64
Глава 20	67
Глава 21	70
Глава 22	74
Глава 23	77
Глава 24	80
Гла	83
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Саяна Горская

Санаторий для босса. Исцели моё сердце

Глава 1

В которой четыре взрослых мужчины пытаются вспомнить, каково это — влезать в авантюры.

Алексей.

— Мальдивы. Чистый песок, вилла, личный дворецкий, — тянет Илья, лениво поглаживая ножку бокала.

Илюха Муромский — бывший военный, а ныне владелец «Беркут Логистик». Говорит по существу, улыбается редко, работает много. Был женат на тонко чувствующей Алёнке, но нырнул с головой в строительство собственной империи, и жена ушла. С тех пор сердце Илюхи лежит на складе длительного хранения, класс — «хрупкое», доступ только по спец-паролю, который знает лишь одна-единственная.

— Скукота, — бурчу. — На Мальдивах песок каждый год одинаковый. Я проверял.

— Ты проверял только коктейли в баре, — невозмутимо парирует Никитос, листая ленту в планшете. — Можете считать меня снобом, но я бы поехал в Хаконе. Горячие источники, тихий сад, чайная церемония. Дзен на минималках.

Никитос Добрынин — владелец девелоперской компании и известный турист по дамским сердцам. Пятизвёздочные комплексы возводит быстрее, чем большинство из нас выбирают шампунь. Эстет, прекрасный оратор, но крайне непостоянный малый. Женщин соблазняет по щелчку пальцев, однако так же быстро сворачивает все ухаживания, оставляя на стенах чужих ожиданий фирменный логотип «Добрынин Девелопмент».

— Ник, да ты три часа выдержишься без возможности обновить котировки, — фыркаю. — На четвёртом соберёшь Zoom-конференцию, прячась в зарослях бамбука.

Святогор хмыкает.

Святогор Волгин — гранитный утёс в дорогом пиджаке, основатель «Полярных Шпилей». Он возводит бетонные цитадели там, где другой человек даже колышек палатки не вобьёт. Он не из тех, кто растрчивает себя на эмоции. Свят честно полагает, что, если хоть раз дрогнет уголок его рта, тут же рухнет экономический баланс страны, поэтому он держит лицо лопатой, служа личным стабилизатором макроэкономики России.

Был женат, но крайне неудачно. Жена, холодная стерва, ушла к конкуренту, прихватит в собой базы данных компании. С тех пор Свят ещё сильнее закрылся от людей.

— На Сейшелах новая линия вилл, — вставляет свои пять копеек Илья. — Персональный батлер отвечает даже за угол наклона шезлонга.

— Хочешь сказать, что тебе нужен батлер, чтобы шезлонг повернуть?

— Мне нужен порядок. Порядок равно отдых.

Официант приносит ещё устриц.

Богатые господа устрицами не наедятся, но без них картинка успешного успеха меркнет. Да и неплохие здесь устрицы, надо сказать.

Бар «Прометей» обосновался в самом конце Газетного переулка: вход без вывески, внутри тёмное дерево, бронзовые светильники и джаз, который вплетается в звон кубиков льда в бокалах.

Мы вчетвером сидим за дальним столом, выстроив шоты, как шахматные фигуры. Безуспешно пытаемся решить, кто куда отправится отдыхать этим летом.

Святогор наконец медленно отпивает из своего бокала.

— Швейцарская клиника «Клермон», — говорит, не глядя на нас. — Детокс, отказ от кофеина. Кровь берут каждое утро, полная диагностика, индивидуальная программа питания. Всё измеримо, прогнозируемо.

— Пре-кра-сно, — тяну. — Ну просто до слёз, Свят. Настоящий мужицкий отдых.

Святогор сквозь сдержанную гримасу всё-таки едва заметно улыбается. Милость небесная.

— А я предлагаю Эгейское побережье. — Никитос покачивает свой бокал, взбалтывая напиток. — Бутылка «Асиртико» на палубе, лекции от греческих историков, фестиваль современного джаза. Мягкая культурная перезагрузка мозга.

Мы все отпиваем глоток.

Неудобная пауза зависает над столом: богатым, сытым мужикам стыдно признаться, что от роскоши тошнит.

Мы слишком избалованны, чтобы отказаться от комфорта, и слишком пресыщены, чтобы радоваться ему.

Зеваю демонстративно, стучу пальцами по столешнице.

— Господа, кажется, на нас напала профессиональная тоска. Нужно лекарство. Встряска!

— Предположим, — Илья осторожно приподнимает бровь. — И что ты предлагаешь? Прыжки со скал? Ты уже водил нас в джунгли Борнео, спасибо, те комары до сих пор снятся мне в кошмарах.

— А давайте в фанты?

— Фанты? — Вторит нестройный хор баритонов.

— Ага! Детская игра для взрослых мальчиков, забывших, каково это — импровизировать. Пишем на бумажке любой безумный вариант отпуска, бросаем в шляпу, тянем — и судьба рулит.

— Лёх, мне достаточно рулетки биржевого индекса, — пожимает плечами Никитос.

— Ошибаешься, философ. Твоя рулетка стоит миллиард, а риска — ноль. Раз-два и обратно в бизнес-класс. А я говорю о настоящем риске: неизвестно, что вытянешь и куда поедешь.

— Бумага есть, — негромко вставляет Илья, вытаскивая из пиджака маленькую записную книжку. — Шляпы нет.

— Спрячем под салфетку. Не позорьтесь, господа.

Святогор хмурит брови.

— Отсутствие структурированного хранилища нарушает логику процесса.

— Логика процесса нарушает тоска, мой каменный друг, — тянусь за ручкой. — Сейчас мы это исправим. Итак, подумаем... Например... О! Волонтёрская экспедиция на Байкал. Кто из вас, изнеженных сыром Эменталь, вывезет жить в палатке, стирать футболки в ледяной воде и собирать пластик по берегу? Я уверен, джентльмены, никто не досидит до финального костра.

— Легкотня, — фыркает Илья, но в его глазах мелькает тень сомнения.

— И не говори, — поддакивает Никита. — Я вообще-то лес в детстве любил.

— «Любил» и «жил» — разные глаголы, — язвлю. — Значит, записываю экспедицию.

Чёркаю быстро на листочке, складываю в прямоугольник.

— Дай сюда, — выдирает ручку из моих рук Илья.

Наклоняется над бумагой. Ручка мягко выводит всего одно слово «Санаторий».

Просто «санаторий» без уточнений, без лирики.

— Тоже мне вызов, — закатываю глаза.

А в голове рисую соблазнительные картинки: бассейн, блондиночки в бикини шастают туда-сюда, бармен наливает мне «Маргариту»...

— Санаторий санаторию рознь, — хмыкает Илья. — Подбери свои влажные фантазии, Лёха. Детали маршрута — моя забота.

Окей, детали позже.

Но мысленно я уже качаюсь в гамаке и считаю загорелых цыпочек, праздно шатающихся по бару в перерыве между массажем и обёртыванием слизью африканской улитки.

Очередь доходит до Святогора. Он берёт ручку, выводит педантично каждую букву.

«Круиз по Средиземке».

— Господи, Свят, да в инструкции по технике безопасности больше драйва, чем в тебе!

— Классика жанра. Гарантированная логистика, понятный маршрут.

Пожимаю плечами, убираю очередной прямоугольник под салфетку.

Никита обводит взглядом всех по очереди.

— Хорошо, — щёлкает пальцами. — А что скажете насчёт ретрита на Алтае? У меня знакомая была недавно, делилась впечатлениями. Гротескная современная психология, вайбы эзотерического дурдома, сто человек в позе лотоса. Прекрасный лечебный треш под звуки бубна. То, что нужно!

— Фууу... — дружно кривимся.

— Гадость, — морщится Святогор. В его мире бубен — это шум, а шум — это нестройная система.

— Представляю твой отчёт акционерам: «Исцеляя внутреннего ребёнка, я оптимизировал КРП».

Ржём.

Все, кроме Свята, естественно.

Никитос прячет бумажку.

Волшебная распределительная «шляпа» готова.

— Ну, господа хорошие, кто у нас смелый? Кто тянет первым?

— Ты дирижёр этого балагана, — кивает Илья, — вот и тяни. Докажи, что судьба тебя любит.

— Ну, что ж, — прохрустываю суставами пальцев. Разминаю карму.

Делаю паузу, чтобы нагнать драму, и ещё паузу, чтобы внутри прошептать: «Круиз! Круиз-уиз!»

Засовываю руку под салфетку.

Дорогой космос, я был хорошим мальчиком весь год, поэтому отправь меня к греческим богиням на палубу лайнера!

Шуршу бумажками, долго перебирая.

Вытаскиваю прямоугольник, расправляю на ладони.

— Ну, что там? — Подаются вперёд друзья.

Давай, космос, не подведи!

«Санаторий».

В голове стук: *бум-бум*.

Снаружи — тишина, только где-то официант открывает ещё одну бутылку шампанского.

— Поздравляю. Блондинки в бикини отменяются, зато будет ЛФК и электрофорез.

— Чего?!

— Санаторий я выбираю сам, — Илюха подаётся вперёд, как медведь, решивший обнять куст смородины, хлопает меня по плечу. — Будь любезен довериться моему вкусу.

— Лёша любит вызовы, — добавляет Никита.

— И обожаю сюрпризы. Особенно когда они с пятью звёздами. Ну... Комнаты люкс, бассейн-инфинити, массажи, обертывания водорослями, — быстро проговариваю, словно продаю тур самому себе.

— Посмотрим, сколько звёзд увидишь, — бурчит Святогор.

Изображаю торжественный поклон.

— Господа, ставка сделана, ставок больше нет. Любой санаторий станет раем, если там буду я!

Официант подходит, чтобы забрать посуду.

Илюха кладёт ладонь поверх салфетки с фантами, словно печать судьбы: Не трогать, люди решили сойти с ума добровольно.

Внутри кипит адреналин, азарт и лёгкое паническое «что я наделал».

— Ну что, джентльмены, добро пожаловать в самый странный отпуск в нашей жизни, — поднимаю свой бокал.

Чокаемся.

Хрустальный звон смешивается с дребезжанием кубиков льда.

Илья довольно хмыкает, глядя на меня поверх своего шота. Больше ничего не говорит, а значит, у меня есть время додумать картинку.

Свежие смузи, пенный бар, сауна с панорамой на сосновый бор, бутылка просекко к завтраку...

Что ж, посмотрим.

И пока распределительная «шляпа» судьбы выносит приговоры моим друзьям, ко мне наконец-то приходит давно забытое чувство предвкушения и горячего ожидания...

Глава 2

В которой я ещё не понимаю, во что ввязался.

Алексей.

Будильник не успевает прозвенеть во второй раз — накрываю его ладонью.

В комнате полумрак, шторы пропускают лишь намёк на рассвет. В углу ждёт чемодан, в который ещё с вечера уложены все возможные «а если вдруг».

Екатеринбург, чёрт возьми!

Сажусь, растираю глаза.

За спиной шуршит простынь.

— Уже проснулся?

— Да, ехать нужно.

Сабрина вытягивается кошкой. Тонкая полоска солнечного света скользит по смуглой спине. Быстрый мозг отмечает баланс линий: изящный изгиб шеи, аккуратная троечка, ноги стройные от ушей. И, главное, в Сабрине есть не только красота — девчонка умна, интересна, начитана.

Забираю полотенце, ухажу в душ. Вода шипит, а в голове крутится план на ближайшие две недели.

Санаторий под Екатеринбургом. Илюха запретил гуглить, дабы не испортить сюрприз, но я почему-то представляю светлые корпуса среди сосен и приёмы минеральной воды по часам.

Однако меню, полагаю, значительно шире. За каждым стаканом минералки там обязательно прячется пара выразительных глаз. Гости в белых махровых халатах, врач-физиотерапевт со строгим профилем, а может, редактор из Москвы, бегущая от дедлайнов.

Курорты сводят людей быстрее любого приложения для знакомств. Общие коридоры, мимолётные встречи у массажного кабинета, и вот ты уже выбираешь, чья попка выглядит вкусней.

Выключаю воду, возвращаюсь в спальню.

Сабрина поднимает томный взгляд.

Подхожу ближе, и она тут же подцепляет пальцами резинку моих боксёров. Обвивает гибкой, как лассо, рукой мои бёдра.

— Лёш, останься.

Я наклоняюсь, целую её в висок; кожа её по ощущениям — сочный персик. Поднимаю с пола свою рубашку, сброшенную вчера в пылу страсти.

— Прости, самолёт через четыре часа. Уже опаздываю.

— Может, хотя бы кофе? Я сварю.

— Малыш, правда, некогда. Глотну кофе в аэропорту.

Сабрина перекачивается на живот. Несчастное одеяло из последних сил держится на вышенностях ягодич. Красота моментально включает во мне зрителя, но зрителю сегодня, увы, некогда.

— Зачем тебе вообще эта поездка? — Чуть надувает губы, грациозным движением укладывая волосы за ухо. — Какой-то детский сад.

— Это договор, — застёгиваю пуговицы рубашки. — Мы пообещали друг другу быть честными до конца. Отключаем автопилот, переключаемся на жизнь. Понимаешь?

— Не совсем. — Сабрина вздыхает, но следит за мной взглядом профессионального наблюдателя. — Можно подумать, твои серьёзные бизнес-титаны реально попрутся в палатки и ледяные озёра.

— Попрутся, вот увидишь, — улыбаюсь. — Эти трое умеют удивлять. Особенно если это вопрос чести.

— А как насчёт вопроса утреннего секса? — Она чуть склоняет голову, и каскад блестящих тёмных волос рассыпается по спине цвета какао.

Мысленно про себя считаю до десяти.

Держись, Лёша, только держись!

— А как я буду спать без тебя? — Хватается Сабрина за последний аргумент.

— Как спала все двадцать пять лет своей жизни.

— Без тебя я не засну. Мне нужен твой запах... — Мурлычет. — Можно я останусь здесь?

Пальцы замирают на последней пуговице.

Невероятно лестное предложение, но планы на этот роман у меня были краткосрочные. И если скажу сейчас «да», история поменяет жанр.

— Малыш, давай повремени. Вернусь — обсудим, — даю обтекаемый ответ.

В огромных карих глазах зажигается опасный огонёк обиды.

— Понятно, значит я ничего для тебя не значу, — голос чуть подрагивает. — Соберу вещи. Не хочу мешать.

Она встаёт. Одеяло соскальзывает, демонстрируя аргументы, против которых бессилён даже мой свободолюбивый разум. Манящее колыхание груди режет мою категоричность в вопросах совместного проживания под корень.

Сглатываю.

Телефон жужжит напоминанием о том, что через два часа начинается регистрация.

— Слушай, — ловлю её ладонь. — Давай без драм. Мне приятно, что ты хочешь остаться. Просто... Я не умею вот так сразу. Дай время.

— Лёш, ну что страшного случится? — Шепчет она и ласковой кошкой трётся о мой подбородок. — Останусь, буду сторожить твою коллекцию плакатов с супергероями, цветы поливать...

Вздыхаю.

— Ладно.

— Да?

— Да.

— Ура! — Взвизгивает, обвивает мою шею руками. Очаровательная троечка плотно жмётся к моей груди. — Можно бонусом последний поцелуй?

Улыбаюсь и с удовольствием её целую. Легко шлёпаю по подтянутой заднице, подхватываю чемодан.

— Спальня в твоём распоряжении, остальное остается неподвижным.

— Поняла, — закусывает губу. — Я буду скучать.

— Я скоро, малыш! Будет немогогу — подкатывай, — брякаю от прилива гормонов в башку.

— Куда? В Екатеринбург? Это вряд ли...

Да, что Сабрина забыла там, действительно.

— Напишу, как сяду в самолёт.

— Я буду ждать, — отправляет мне воздушный поцелуй и заваливается обратно в постель.

Выхожу из подъезда — шаг, такси, багажник хлоп — и через час уже припечатываю к мрамору бизнес-лаунжа. Регистрация без очереди. Девушка на стойке печатает посадочный и почему-то краснеет, будто я ей уже что-то нашептал.

Может и нашептал, кто ж меня знает?

У двери самолёта встречает стюардесса в небесно-синем. На бейджике красуется имя Дарья.

— Здравствуйте, Алексей, — чуть растягивает она буквы. — Рады видеть на борту.

— Это взаимно, Дарья, — отвечаю тем же тоном и ловлю искру интереса в карих глазах.

В течение полёта прошу у неё «просто воды» пять раз подряд — каждый раз с шуткой. К пятому стакану вместе с водой она подаёт салфетку с логотипом и номером телефона. Салфетка исчезает во внутреннем кармане пиджака.

Такими ресурсами не разбрасываются.

Выныриваю из самолёта как из сна. По плану дальше — трансфер, но табличку с моей фамилией никто из встречающих не держит.

Ну, Илюша! Мог бы и позаботиться о комфорте друга!

Пытаюсь вызвать такси через приложения — ни «комфорт», ни «бизнес» не понимают мой конечный адрес.

На стоянке такси колоритный дед в кепке кивает:

— Куда тебе?

— Да вот... — Сую ему сообщение с адресом. — Санаторий «Звезда Зауралья».

— О-о-о... Так это Шадринск! Курганская область!

— Какой ещё Шадринск?

— Такой. Санаторий твой там. Двести пятьдесят километров отсюда.

— Сколько-сколько?

— Два часа, если без остановок гнать. С остановками — сам понимаешь.

Сам не понимаю, но киваю.

— Ладно, погнались тогда.

— Дорого будет, — прищуривается дед.

— Переживу как-нибудь.

Ох, Илюша, затейник. В какую дыру ты меня отправил?

Сажусь в издававший виды «Рено Логан» с просевшей подвеской, и мы ползём сначала сквозь поток машин, потом сквозь нескончаемый лес.

Асфальт превращается в серую ленту с редкими прыщами кочек. Сосны плотно обнимают дорогу. Телефон сразу теряет сеть, как капризная дама интерес.

Салфетка с номером Дарьи греет грудь.

Через два с лишним часа пейзаж меняется: справа мелькает забор, слева — овраг с бурой водой.

Вывеска: «ЗВЕЗДА ЗАУРАЛЬЯ 4 км».

— Подъезжаем уже — комментирует шофёр.

Вскидываю голову, ожидая поскорей увидеть панораму курорта.

Поворот... и меня встречает реальность.

Старые пятиэтажки санаторных корпусов, облупившаяся съеденная солнцем вывеска, на флагштоке треплется флажок советского образца. Вместо фигурных фонтанов — бетонная чаша без воды; вместо скульптур — табличка: «Не ходить по газону».

Территорию пасут бабушки в ватных жилетках; одни шлёпают в тапочках, другие подталкивают впереди себя металлические ходунки. Ни одного халатика размера XS, ни одной стройной гибкой шеи.

Последние лучи обманутого энтузиазма меркнут.

Чёрт возьми...

С грохотом роняю чемодан на неровную кладку.

Лёха, куда же ты попал?

Мои дорогие читатели, я впервые публикую на Литрес книгу в формате черновика, мне очень сложно оценить, насколько хорошая это затея. Если вдруг вы читаете, если вы здесь, если интересно - прошу, подайте сигнал, поморгайте, пришлите смайлик в комментариях или ткните звёздочку))) Буду очень-очень вам благодарна!

Глава 3

В которой появляются новые герои и старые злодеи.

Люба.

Заторможенно смотрю в экран телефона. Чёрные буквы на холодном фоне.

Четыре символа, а внутренности сворачиваются в узел, будто кто-то туго затянул корсет под рёбрами. Кровь отливает от лица, поперёк горла встаёт ком тошноты.

Ловлю своё отражение в тёмном стекле экрана: глаза широкие, зрачки — две чёрные дыры, бледные губы шевелятся беззвучно.

Палец зависает над клавиатурой. Ответить?

Нет, Любаша, нельзя кормить агрессора! Ты же знаешь, любой ответ сделает лишь хуже, раззадорит его, заставит думать, что ты принимаешь условия игры.

Вместо ответа нажимаю три точки в меню и отправляю номер в чёрный список. Это почти бесполезное занятие, я знаю, ведь уже завтра он напишет с другого номера. Возможно, на этот раз там будет короткое «Прости», и, быть может, следом за сообщением прискачет курьер с пышным букетом душистых красных роз.

Затем будут новые угрозы, потом извинения, снова угрозы. Замкнутый круг, из которого я не могу найти выход.

Угроздило же тебя вляпаться, Люба! Может, в полицию обратиться?

Но мысль, едва зародившись в голове, тут же меркнет.

Что они там скажут?

«Ну вот когда убьют, тогда и приходите». Знаю. Слышала. Проходили.

Делаю глубокий вдох, считаю до четырёх, медленный выдох на шесть. Сердце слушается, но узел внутри не развязывается. Телефонный экран темнеет. Кажется, я тоже вот-вот погасну.

Дверь в процедурную распаивается. Дёргаюсь, едва не роняя гаджет, но успеваю перехватить его в воздухе и сунуть в карман халата.

— Любаша! — влетает Ленка. Кудрявые волосы торчат в стороны, щёки пылают. — Ты это видела?

— Что именно?

— Новый заезд!

— Лен, у нас каждый день новый заезд, — флегматично напоминаю, машинально подравнивая ряды блистеров на полке. — Что тебя так взбудоражило?

Лена закатывает глаза, хватая меня за руку и увлекает к кушетке, на которую сама тут же и забирается, подтягивая колени к груди.

Восторженно раскачивается вперёд-назад.

— Там мужчина приехал! Такой... Муж-чи-на! — растягивает слово так сладко, словно жуёт карамель.

— Неужели настоящий?

Лена машет рукой, игнорируя мой сарказм:

— Шутишь всё, Подольская! А там правда настоящий! Высокий такой, рубашечка белая, брючки со стрелочками, плечи широкие, щетина... и даже пуза нет! — Мечтательно закатывает глаза.

Лена имеет дурную привычку сватать мне всех мужчин, более-менее подходящих для продолжения рода. Уж очень переживает, что я свой ценный генофонд и изящный греческий нос не успею передать потомкам. Каждого нового мужчину на горизонте она тут же мысленно примеряет мне в мужья и радуется так искренне, будто я уже успела родить от него тройню.

И каждый раз бесконечно разочаровывается, когда я отказываюсь участвовать в её брачных играх. Особенно она расстраивается из-за моего носа. Уж очень, говорит, жалко, если такая красота пропадёт.

Впрочем, переубеждать её бесполезно, поэтому я давно научилась не спорить, а тихо ждать, пока очередной «идеальный кандидат в отцы моих будущих детей» не покинет территорию санатория, вернувшись обратно в большой мир.

— Пуза нет? Редкий вид! — С жаром поддакиваю. — Настоящий самец.

— Из красной книги! — Фыркает подруга. — Таких в нашем заповеднике не водится. Дикий зверь из дикого лесу.

— Ну всё, берём. Бежим скорее, пока Марья Захаровна из «Б» корпуса не окольцевала красавчика, она у нас дама охочая до мужского внимания.

Лена тяжело вздыхает и смотрит на меня сочувственно.

— Тебе, между прочим, мужчина бы очень даже не помешал. Не молодеешь ты, Любаш.

— Спасибо. Был уже, — поджимаю губы. — Не хочу повторять этот опыт.

— Это ты про своего нефтяного короля из Новосиба? Да забудь ты его уже, пусть катится куда подальше! — Возмущённо пыхтит. — Врун он и сволочь. А тебе нормальный нужен.

— Этот, значит, нормальный?

— Конечно!

— Это ты поняла, взглянув на него один раз?

— Любаш, там одного взгляда достаточно! А ну! — Ленка соскакивает, подталкивает меня за талию к окну. Дёргает резко жалюзи в сторону. — Смотри.

Перед главным корпусом на дорожке различаю мужскую фигуру. Высокий, плечистый, загорелый. Шаг широкий и чуть нервный. Телефон вытянут над головой — ищет сеть, бедолага.

Здесь сигнал вечно пляшет: то появляется, то исчезает.

Мужчина действительно выделяется на фоне других постояльцев, что, впрочем, не удивительно, ведь основной контингент наших гостей — пенсионеры.

Но не такой уж дикий зверь, этот мачо. Обыкновенный городской пижон. Готова поспорить на что угодно, он уже изнывает от желания выпить латте на молоке единорога и залить модную сториз о том, как он героически терпит испытания в глуши, где нет ни джакузи, ни смузи из сельдерея и семян чиа.

Невольно задерживаюсь взглядом подольше. И вот не нравится мне этот тип категорически!

Не нравится, как он выглядит, как он двигается: уверенно, по-хозяйски. Словно не он сюда приехал, а весь санаторий построился вокруг него.

На дух не переношу таких вот избалованных, привыкших к комфорту, считающих, что мир им что-то должен. И мой собственный опыт научил меня распознавать подобных.

Он — такой!

А вот каким ветром к нам занесло этот образец глянцевого гедонизма — вопрос отдельный.

— Мужчина как мужчина, — хмыкаю равнодушно. — Ничего необычного.

— Дура ты, Люба! — фыркает Лена, разворачивая меня лицом к себе. Быстро поправляет мне волосы, пару раз легонько щиплет за щёки, возвращая им краску. — Бледная, как поганка. Сидишь в кабинете, нос наружу не высовываешь. Иди! Иди туда, минералку отнеси!

— Вот ещё! Тебе надо, ты и иди.

— А мне капельницы с железом нужно готовить, — отбрыкивается Лена. — К тому же, твой обход по графику. Давай-давай, социальная адаптация в чат вошла. И я пойду трудиться во имя чужого ферритина.

Лена кивает серьёзно и выходит, оставляя шлейф апельсиновых духов. Дверь закрывается, в процедурной снова становится тихо.

Я достаю телефон, разблокирую. Слово всё ещё там, под стеклом.

«Убью».

Сердце делает двойной удар. Секунды хватает, чтобы вся бодрость, которую принесла подруга, вышла со свистом из лёгких. Провожу пальцем по экрану, будто могу стереть сообщение прикосновением.

— Дыши, Люба, — шепчу себе. — Ты здесь. Он далеко.

Бросаю взгляд в окно. Мужчина всё ещё измеряет шагами территорию, щёлкает камерой по сторонам, ловит сосны в кадр. Улыбается чему-то, откинув голову назад. Солнце ложится на его плечи золотой накидкой, лучи прячутся в волосах.

Свобода в теле, — мелькает зависть. Какой контраст с моим узлом под рёбрами.

В другой жизни я, может быть, улыбнулась бы иронично, подумав, как забавно он смотрится в своей беспомощности перед плохой связью. Но сейчас во мне нет ничего, кроме тревоги.

Перед глазами снова стоит лицо того, кого я стараюсь забыть, но он не даёт этого сделать. В ушах звучит его голос — то ласковый, то жестокий, снова и снова сменяющий маски.

Вздрагиваю от очередной вибрации телефона. Просто уведомление о заряде батареи, но меня вновь прошибает холодный пот.

Прячу телефон в ящик стола, расправляю плечи и иду готовиться к обходу. Но внутри всё ещё живёт холодный, болезненный комок страха, и я не знаю, как от него избавиться.

Дорогие мои, спасибо за вашу обратную связь! Я обязательно отвечу на комментарий, как только пойму, как это делается с авторского аккаунта)))

Глава 4

В которой ретро-квест неожиданно получает ещё двух игроков.

Алексей.

Толкаю дверь комнаты, бросаю чемодан в угол.

М-да-а-а...

Неужели вместо «Логана» я сел в машину времени? Другого объяснения просто нет!

Невольно морщусь, осматривая обстановку. Стены оттенка тоски зелёной, старенькие кровати в количестве двух штук, такая же старая тумбочка в количестве одной штуки — ровно между кроватями. Ремонт здесь был последний раз, кажется, ещё при Советском Союзе. Честное слово, не удивлюсь, если из-за шкафа сейчас выглянет Ленин и скажет: «Привет, товарищ, ты опоздал на субботник».

Заваливаюсь на одну из кроватей, и та протестующе поскрипывает подо мной, словно предупреждает, что любой резкое движение грозит стать последним.

Илья, ты — гад! Самый настоящий гад!

И я с удовольствием написал бы ему сейчас пару ласковых, да сеть сдохла.

Никаких цыпочек у бассейна тут не предвидится, только дежурный запах камфорного спирта и дряхлость, забившаяся во все щели вместе с нафталином.

Закидываю руки за голову и пялюсь в потолок. Желтоватые разводы на нём похожи на карту затонувших материков.

Ладно, Лёша, сам придумал эту «шляпу» — сам носи. Морда кирпичом, улыбка во все тридцать два. Жизнь продолжается!

Но жизнь здесь совсем не такая, какую я себе представлял, разыгрывая фанты в том проклятом баре. Ни вечеринок, ни шведского стола с авокадо-тостами. Только пенсионеры с запредельным холестерином и храпом, превышающим допустимые децибелы. Хорошо хоть, что у меня соседей нет. Единственная вдохновляющая новость за сегодня!

Впрочем, отчаяние — не мой стиль. Даже в унылом царстве стариков можно найти очаровательную докторицу или медсестрицу, которая с удовольствием разбавит местную серость парой незамутнённых диалогов и незапланированным свиданием при луне. Краткосрочные романы — как лёгкий массаж: приятны и безопасны. Никто никому ничего не должен.

Идеальная схема.

Мои мечты о романтической перспективе внезапно прерываются. Дверь распахивается, а на пороге появляется дед — лет семьдесят с хвостиком, густая сеточка морщин, нос картошкой, на голове засаленный клетчатый картуз, в руках сумка. Вид боевой, словно он вот-вот ринется в атаку.

— Здорово, внучек, — объявляет, осматривая комнату. — Триста пятая?

— Она. — Поднимаюсь на локтях. — А что хотел, дед?

— Как что? Жить тут, — танком прёт вперёд, бросает сумку на свободную койку.

— Э, не! Я тут один.

— Так и я один. Стало быть, недолго нам поодиночке-то, — подмигивает.

Хмуро свожу брови над переносицей.

Серьёзно?

Муромский, я всё конечно понимаю, ты решил мстить мне за то, что я поджог тогда твой диван за триста штук, но ты не мог мне хотя бы одноместный номер выбить?

Встаю. Упрямо упираю руки в бока.

— Я соседей не заказывал.

— Зато, глядишь, вместе веселей будет, — дед ухмыляется и, не теряя времени, раскладывает на тумбочке целый арсенал медикаментов — цветные коробочки, блистеры и пузырьки строятся перед ним ровными рядами, как солдаты на плацу.

— Уверен, свободных комнат здесь целая куча. Сходи попроси себе отдельную.

— Ты и проси, если тебе надо, — шурится хитро.

Упёртый какой дед попался, а!

Лезу в пиджак за бумажником, отсчитываю пару крупных купюр.

— Вот, — тяну.

— Что это?

— Компенсация за потраченное время. Собирай таблетки свои и давай... Переезжай.

Дед лишь качает головой и коротким жестом отказывается от денег.

Но я прекрасно знаю, что люди отказываются от денег лишь в том случае, если предложено мало.

Отсчитываю ещё четыре купюры.

Эта захудалая комнатка стоимостью встаёт мне в полулюкс.

Протягиваю настойчиво.

— Да не тряси ты передо мной бумажками своими, — дед хмурится. — Куда сказали, туда я и заселился. Занимаем места согласно купленным билетам.

— Вот как? Тогда... Тогда... —двигаю таблетки со своей половины тумбочки. — Про личные границы слышал?

— Какие такие границы?

— Личные! Есть твоя территория, вот её и занимай. На мою не лезь.

Заваливаюсь обратно на постель.

Мелочно, Леха! Очень мелочно! Правда собираешься развернуть военные действия ради тумбочки, которой ты и пользоваться не собирался?

Но я знаю, стоит мне чуть расслабиться, и дорогой сосед тут же узурпирует всё свободное пространство. Спуску давать нельзя.

Сегодня таблетки на тумбочке, завтра носки на спинке моей кровати, а послезавтра... Послезавтра он приведёт в номер женщину! То есть, бабушку!

Да уж, вот у кого пространства для манёвра предостаточно, так это у деда. Здесь каждая первая — его вариант.

В дверь тихонько стучат.

Недвигаюсь, зато активный дед, бодро кряхтя, шаркает к двери. Открывает, впуская в комнату свежий аромат хвои и... женщины!

— Здравствуйте, — слышится мелодичный, но чуть напряжённый голос. — Минеральную воду разношу перед ужином. Пейте обязательно.

Встаю, тихонько к двери крадусь, словно боюсь спугнуть добычу.

Отодвигаю деда плечом, чтобы лучше разглядеть обладательницу голоса. Девушка высокая, стройная, с тёмными волосами, аккуратно убранными в строгий пучок. Карие глаза серьёзны, профиль словно отлит по лекалам античных статуй.

Вау!

Джекпот!

Настоящая. Вот она, та самая красота, которую не встретишь на страницах журналов и в соцсетях, а если встретишь, то непременно зафотошопленную до неузнаваемости. Не знаю, что именно цепляет меня в ней сильнее всего — этот благородный, чётко очерченный профиль, аккуратно подчеркнутый подбородок, спокойная уверенность в глазах или какая-то тихая, совершенно не глянцева красота, но я просто не могу отвести взгляд.

Настоящая и живая красота — редкий зверь в наше время.

— Добрый день, прелестница, — мурлычу самым мягким голосом из своего арсенала.
— Какой приятный сюрприз встретить здесь кого-то, от кого не веет скукой и пылью.

Она сверлит меня тяжёлым взглядом. Кажется, поставит сейчас диагноз без тонометра и анализов.

Руки машинально отделяют ещё один пластиковый стаканчик, который тут же наполняется мутноватой водой.

— Пейте. — протягивает. — Стаканчики не разбрасывайте.

Из-за моей спины дед высовывается.

— Милочка, а что за водица?

Взгляд девушки перемещается на него. Тут же теплеет и становится дружелюбным.

— Это наша местная, близка по составу к Боржоми, очень полезная. В ней содержится йод, кальций, магний. Пить обязательно трижды в день, но можно и больше.

Контраст её голоса неприятно царапает.

Эй, красотка, чем я хуже этого чернослива?

Пытаюсь вновь оттянуть её внимание на себя, заталкиваю деда обратно в комнату. Плечом подпираю дверной косяк.

— Как увлекательно! Вы знаете, я всю жизнь мечтал узнать про минералку побольше. Может, вы расскажете подробнее?

Она стреляет в меня взглядом. В упор и в лоб.

— Для любознательных у нас лекции каждое утро. Приходите, — рапортует сухо, а в тоне ясно читается «Отвали, городской клоун».

Девушка отворачивается и быстро толкает свою тележку дальше по коридору.

Выскакиваю следом.

— А вы на лекции будете?

Игнор.

— Эй! Как вас зовут? Я — Алексей!

Ноль реакции. Она уже стучится в соседнюю дверь и разливает по стаканчикам новую порцию минералки.

Ну просто мечта поэта — медсестричка-снежная королева!

Возвращаюсь.

Улыбка, знаменующая начало охоты, сама собой расцветает на лице. В конце концов, без сопротивления это мероприятие теряет весь смысл.

Дед фыркает.

— Ну что ты? — Спрашиваю раздражённо, поймав его насмешливый взгляд.

— Да ничего, — он с ладони закидывает в рот горсть таблеток, залпом выпивает стакан минералки. — Губу ты зря раскатал.

— Это ещё почему?

— Да не твоего поля ягода.

— Чего?!

— Ты таким не по нраву. Не станет она с тобой водиться.

— Спорим, что и недели не пройдёт, как эта красавица сама будет искать встречи со мной?

— Ну-ну, — усмехается дед, снова перебирая свои таблетки, словно дракон золотые монеты. — Не тот уж у меня возраст, чтобы на баб спорить. И тебе бы пылу поубавить.

Отмахнувшись, вытягиваюсь на койке, закрываю глаза. Улыбаюсь, мысленно принимая этот вызов.

Ладно, минеральная девочка, посмотрим, кто кого переиграет в этой партии.

Глава 5

В которой столовая становится декорацией для первого урока соблазнения.

Алексей.

К ужину спускаюсь в столовую.

О, да... Настоящий портал в СССР открывается именно здесь — металлические подносы, гранёные стаканы в алюминиевых подстаканниках, точно из вагона-ресторана поезда «Москва-Адлер». На стене вист плакат «Ешь витамины — будь здоров!» с весёлым апельсином в спортивных штанах. Под ногами облупившийся кафель с красными ромбами, в каждый из которых вставлен серп и молот. А для полноты картины на раздаче скупают две тётушки в накрахмаленных колпаках.

Беру поднос.

На выбор здесь — картофельное пюре с печальной котлетой, бурый винегрет и чай крайне подозрительного цвета. Беру всё: раз уж приехал, гуляю на все бабки!

Сажусь за самый дальний стол, мысленно репетирую, как завтра заставлю местную богиню в белом халате улыбнуться. Минеральная девочка даже на первый взгляд кажется мне задачкой со звёздочкой, таких не просто размотать на эмоции. Интересно, что скрывается под равнодушной маской, и сколько каскадёров-камикадзе разбилось о её ледяной взгляд?

Ковыряю вилкой неаппетитное пюре. Напротив, с тяжёлым «фуф» приземляется дед.

— Вечер добрый, внучек, — кивает бодро.

— Я рассчитывал ужинать в одиночества.

— А я рассчитывал дожить до ста, но врачи обещают только девяносто. — Дед ухмыляется, дробя ребром вилки несчастную котлету на атомы. — Да и веселей вместе!

Коротко фыркаю.

Проигнорировать не выйдет. Придётся вступать в дипломатический контакт.

— Алексей, — представлюсь, чтобы потом не говорили, что хам. — Алексей Попов.

— Фёдор Степанович. Можно просто Степаныч. Чем же ты занимаешься, Алексей Попов?

— Грузопотоки, трубы, трассы. — Отодвигаю котлету, перехожу к пюре. — Ставлю на поток логистику для северных месторождений.

Степаныч тихо присвистывает.

— Нефть, значит?

— Можно и так сказать. Если контракт с одним новосибирским бароном сыграет, у нас там будет магистраль — мама не горюй.

— Крутой, выходит, — дед загибает пальцы, изображая рокерскую «козу».

Оглядываю столовский антураж.

— Был бы крутой, сидел бы сейчас в своем шикарном офисе и полировал до блеска грядущую сделку. А судя по тому, что я ем пюрешку с котлетой и делюсь автобиографией с престарелым узурпатором, я не крутой, а дебил.

— Как ж тебя занесло сюда? Да ещё и с мордой такой недовольной. Неужто по доброй воле?

— Пари с друзьями.

— Стало быть, игрок?

— Если жизнь не бросает вызовы, я делаю это сам. Иначе жить становится скучно.

— Вот до моих лет доживёшь и поймёшь, что не в вершинах счастье, — философствует Степаныч, продолжая бодро закидывать в себя ужин.

Я скептически хмыкаю, замолкаю.

Дело не в вершинах, конечно.

Дело в том, что как только вершина превращается в ровную площадку, я мгновенно начинаю зевать.

Поддержал стартап — продаю, строю следующий. Поставил рекорд прибыли — выкручиваю сложность нового проекта до безумия. Сорвал аплодисменты красавицы — через неделю смотрю сквозь неё, как сквозь чистое стекло.

Всё, что можно предсказать, перестаёт меня насыщать. Адреналин — единственная валюта, которой я по-настоящему наедаюсь. Стоит игре стать понятной, я тут же включаюсь в новую. Поэтому и «шляпа» с санаторием случилась. Мне нужно чуточку хаоса, чтобы снова ощутить, как кровь гонит азарт, а не привычный сахарный сироп из рутины и скуки.

Степаныч, не донеся вилку до рта, замирает вдруг. Взгляд его стекленеет, а жилистое тело напрягается.

Слежу за траекторией его взгляда.

В столовую вливается женщина лет шестидесяти. Бабушкой её язык не поворачивается назвать: слишком прямой стан, слишком лёгкий шаг. Пепельные волосы развеваются серебром. Что-то лебединое есть в повороте головы.

— Нравится? — Подмигиваю деду.

Тот шумно сглатывает.

— Красавица.

— Спорно, но глаз не режет, согласен.

— Стройная.

— Сомнительно, но зачтём. — Откладываю вилку. — Ладно, герой-любownik, идентифицировал цель — иди знакомься.

— Да куда мне? — машет он рукой. — Годы уже не те.

— Любви все возрасты покорны, — парирую.

— Это птица не моего полёта.

— Слушай, орнитолог, любую птицу можно приручить. Ты думаешь, они сложные? Нет! Женщина — это лишь замок, и если ты знаешь ключ, правильный алгоритм, то завоевать можно любую.

— Так уж любую! — Со скепсисом.

— Лови эксклюзив: алгоритм завоевания женщины от Алексея Попова. Слушай и запоминай. Шаг первый — появление-вспышка. Женщины не любят чувствовать себя целью, куда больше им нравится думать, что само мироздание столкнуло вас лбами. Поэтому вариант подойти и познакомиться мы сразу отменяем, и используем, предположим, мой любимый трюк с падением.

— Внучек, да если я упаду, вы мои кости не соберёте потом! — Морщится Степаныч.

— М-да, — задумчиво потираю подбородок. — Ладно, придумаем что-нибудь. Шаг второй — смех. Хорошая шутка. Женщина, смеющаяся с тобой и над тобой уже одной ногой выходит из позиции обороны. Шаг третий — забота. Милый жест внимания. Подари ей билеты в оперу, если она говорила о «Травиате», или сборник стихов, если любит поэзию, и вот, эмоциональный кредит на твой счёт уже открыт. Шаг четвёртый — флёр интриги. После того, как цель уверилась в твоих серьёзных намерениях покорить её сердце, ты пропадаешь из её поля зрения.

— Это ещё зачем?

— Это обязательно! Нельзя давать им расслабляться, важно поймать женщину на крючок!

— Тфу ты! — Дед картинно закатывает глаза.

— Шаг пятый — переворот полюсов. В момент, когда она привыкла к твоей дерзости, покажи уязвимость. Коротко и честно: «Только не смейтесь, но я всё ещё путаю лево и право в

танцах. Поможете мне с этим?». В игре «сильный-слабый» короткий сбой ролей создаёт эмпатию.

— Единственная моя слабость — кишечник. Что мне, таблетки от диареи у неё попросить? — Хмыкает Степаныч.

Игнорирую очередную провокацию.

— Шестой и заключительный шаг — совместное приключение. Устрой свидание, но не ужин в ресторане, а настоящий квест. Совместно прожитый адреналин сцепляет людей мощнее романтики, и ты запоминаешься ей биохимически с помощью волны гормонов. Вот и всё. Алгоритм — шесть ходов, работает в девяти случаях из десяти.

Степаныч тяжело вздыхает.

— Дурость это, Алёша. Теория. На практике всё куда сложнее.

— Не веришь? Устрою тебе сейчас демонстрационный показ.

Оглядываюсь в поисках более-менее подходящей жертвы. В противоположном конце зала за одним из столиков сидит медсестра, ужинает одна, погружённая в телефон. Не минеральная девочка, конечно, но сойдёт. Отличная мишень. Улыбка тёплая, плечи расслаблены — значит, не жёсткая стерва, а любопытная мышка.

— Шаг первый, смотри и учись.

Встаю, расправляю плечи, подхватываю поднос и совершаю лёгкий моцион меж столов к окну, словно намереваюсь любоваться соснами.

У столика мышки нога «скользит», и я теряю равновесие. Поднос звенит, тарелки взлетают вверх, я же падаю вниз и позорно, хоть и совершенно намеренно, распластываюсь по полу звездой. Под щекой — серп и молот.

Поднос с посудой приземляется рядом.

Всё в столовой тут же затихают.

Эффектное появление — есть!

— Ой, — подскакивает медсестричка из-за стола. — Сильно ударились?

— Ещё не решил, — морщась, растираю «ушибленное» плечо.

— Дайте посмотрю. Больно тут?

Прощупывает пальцами бицепс.

Напрягаю мышцы. Пусть знает, что свободное время я сливаю в тренажёрке, а не в баре.

— Руки у вас нежные такие, — поплывшие моргаю. — Диагноз: медсестра?

— Точно, — хихикает. — Вроде всё в порядке. Двигать рукой можете?

— Могу. Приехал отдохнуть называется... Ох уж этот скользкий путь к здоровью.

— Давайте помогу встать, — подхватывает меня под плечо. — Голова не кружится? Не тошнит?

— Нет. Кажется, пронесло. А может, это я вас увидел, и всё вдруг само излечилось. Как зовут вас, ангел?

— Лена, — краснеет.

— А я Лёша. Смотрите-ка, у нас имена на одну букву. Знак свыше? — подмигиваю. — Кажется, сама вселенная подтолкнула нас к знакомству.

И мой любимый приём с приплетением злодейки-судьбы действует безотказно: Лена растягивает губы в робкой улыбке, отводит взгляд и краснеет ещё гуще прежнего.

— Кстати, у вас тут... — подаюсь чуть ближе, внимательно вглядываясь в её лицо. — Кажется, у вас на скуле моя пюрешка.

Смахиваю с её щеки несуществующее пятнышко большим пальцем — движением медленным, почти интимным.

Ресницы её пьяно порхают.

— Извините, не хотел пометить территорию таким радикальным образом, — улыбаюсь.

Лена звонко смеётся, румянец расползается до самых ушей.

Шаг второй — галочка!

Оборачиваюсь на Степаныча — тот недовольно качает головой.

— Знаете, Лена, мне сегодня явно везёт. Могу я надеяться, что и завтра мне повезёт не меньше?

— Как?

— Например, я загляну к вам в кабинет, вы проверите, точно ли всё со мной в порядке. Контрольный осмотр, так сказать.

— Конечно, заглядывайте, — кивает она и ещё раз щупает плечо. После беглой пальпации её рука так и остаётся лежать там. — Если что-то станет беспокоить, то не дожидайтесь утра.

— Понял. А как вы относитесь к опере? Или, скажем, поэзии?

— Я... — Лена открывает рот, но тут же закрывает его. Скашивает взгляд в сторону.

Оглядываюсь.

В дверях стоит моя минеральная девочка. Ослепительно-белый халат, руки в карманах, взгляд — острый скальпель. Даже воздух в столовой становится на пару градусов холодней.

Контраст её ледяных глаз и тёплых пальцев Лены на моем плече — ток, пропущенный через всё тело.

Лена мгновенно отдёргивает руку и делает шаг назад.

Глава 6

Люба.

Захожу в столовую и застываю на месте от представшей передо мной картины.

Павлин столичный стоит, гордо выпятив грудь и распушив свои цветные перья. Ленкина рука обосновалась на его предплечье, а взгляды этих двоих недвусмысленно пересекаются в воздухе. И не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы догадаться, что эти двое не клизмы и электрофорез обсуждают.

Ленка, при виде меня, шустро отдёргивает ладонь и отступает на полшага назад, мол, я вообще просто мимо проходила. А у самой щёки красные, глаза блестят.

Вот же гад ползучий этот Алексей, или как там его. Уже сунулся к моей подруге.

И нет, мне не жалко, пусть развлекается с кем угодно. Но только не с Леной. Он же будет вечно ошиваться у процедуры, отвлекать, мешать работе. А финал этой истории и подавно мне знаком: он вернётся туда, откуда приехал, а мне потом Ленкино сердечко по запчастям собирать и гипсовать, корвалол ей подливать и в чай, и в суп.

Иду к раздаче. Беру поднос, ставлю гранёный стакан с компотом, булочку с корицей — ешь, Люба, успокой разбушевавшиеся нервишки.

Между лопаток горячо, словно спину прожигают взглядом.

К Ленкиному столику подхожу с видом валькирии, намеревающейся развесить кишки врага по стенам, однако Алексея, кажется, не пугают ни мои презрительно суженные глаза, ни воинственно выдвинутый вперёд подбородок.

Он приподнимает стул, ловко прокручивает его на одной ножке, разворачивая спинкой к столу, и седлает, словно коня.

— Вечер добрый, красавица, — улыбается самодовольно ползучий гад.

— Был, — коротко киваю и вонзаю зубы в булочку.

— Почему же был? Неужто кто-то посмел испортить?

Обвариваю его горячей смолой красноречивого взгляда.

Алексей, игнорируя мои немые послания, водружает на стол локти и упирается подбородком в ладони, словно выставляя собственную харизму на пьедестал. Пялится.

— Я привыкла ужинать без надзора.

— А я не надзиратель. Я любопытный наблюдатель. Может, назовёте наконец имя наблюдаемого объекта?

Лена открывает рот, но я коротко шикаю в её сторону.

— Для вас я просто старшая медсестра. Этого достаточно.

— Странно, — игривая кошачья улыбка не сходит с его лица, — всегда думал, что медсёстрам полагается быть милосердными.

— Так и есть.

— Где же тогда ваше милосердие?

— Я милосердна. К тем, кто этого заслуживает, — делаю глоток компота. В кармане вибрирует телефон.

Смахиваю звонок с незнакомого номера и откладываю телефон экраном вниз на стол.

— Хм, — Алексей хмурится. — И чем же я заслужил вашу антипатию?

— Дело не в вас. У меня непереносимость нагледцов на клеточном уровне. Стоит одному такому оказаться рядом, и в крови вырабатываются антитела.

— Наглец? Я бы сказал: целеустремлённый малый.

— Что довольно синонимично. Прёте по головам ради цели?

— Что же ещё, по-вашему, должен делать мужчина, если встретил женщину своей мечты?

— Для начала залезть в толковый словарь и уточнить значение слова «мечта». Велика вероятность, что он путает его с «вожделением».

Алексей смеётся, обнажая ровный ряд белых зубов.

А смех у него приятный, бархатистый, грудной. И глаза красивые. Гипнотизируют.

Заставляю себя моргнуть и отщелкнуть лишнюю эмоцию.

Не смей думать о тембре его голоса. Не смей.

— Значит, вожделение? Ставите мне диагноз? — Алексей чуть склоняет голову к плечу.
— Назначите мне лечение?

— Лечение простое: уважайте чужие границы, и будет вам счастье.

— Согласен. Покажите, где ваша граница, — он резко подаётся вперёд и пальцем рисует невидимую линию по столешнице между нами. — Я буду танцевать в миллиметре от неё.

— Танцоры-миллиметровщики плохо заканчивают. Им, как правило, давят ноги.

Ленка хихикает и с интересом наблюдает за борьбой двух противоположных стихий.

— Готов рискнуть. Уж слишком интересно, что за тайны с такой ревностью охраняет старшая медсестра.

— Тайна номер один: я работаю здесь медсестрой, а не аниматором, и не обязана развлекать городских снобов вроде вас.

— Снобов, — он тяжело вздыхает, а лицо становится чуть серьёзней. — А вы правда считаете, что все столичные — одинаковые? Мы ведь тоже люди: радуемся, злимся, расстраиваемся.

— Вы расстраиваетесь? Неужели жизнь мечты даёт сбой? — в голосе моём слишком много иронии и яда.

Остановись уже, Люба. Перестань проецировать на бедолагу образ своего чудовища.

Но Любу конкретно несёт, с переборами и плохой игрой.

— Расстраиваюсь, — кивает Алексей. — Расстраиваюсь, когда вижу, как быстро люди выносят вердикты и развешивают ярлыки. Удобно делить мир лишь на чёрное и белое, верно? Молчу.

Лена хватает салфетку, будто не знает, куда девать руки.

— Хорошо! — Алексей вдруг резко отстраняется, закидывает руки за голову. — Номер свой дадите?

— Ни в коем случае.

— Почему?

— Не раздаю номера пустословам.

— Что, по-вашему, мужчина должен сделать, чтобы его слова перестали звучать пусто?

— Посмотреть в зеркало и честно спросить себя: к чему он готов. Если ответ — «ни к чему, кроме игры», развернуться и уйти, оставив свои игры.

— Жестко. Но честно. Уверен, ваши пациенты ходят по струнке.

— Верно думаете.

— Так может вы и меня приструните?

— Алексей, вы не помощи жаждите, а приключений.

— Разве одно мешает другому?

— Одно обычно ломает другое.

Он сканирует меня долгим взглядом.

Пристально вглядывается в глаза, словно пытается проникнуть в самые потаенные уголки разума и узнать все мои тайны.

— Однажды вы уже кого-то спасали, — тихи и вкрадчиво произносит после тщательного изучения. — И дорого за это заплатили.

Сердце учащённо лупит в рёбра.

В долю секунды перед глазами вспыхивают отрывки из прошлого — глухой удар, металлический привкус страха на языке, пошатнувшийся мир.

Прикусываю щёку изнутри, не позволяя себе скатиться в воспоминания.

Вот уж не ожидала от этого шута городского такой пронизательности. Или везения: вполне возможно, он лишь пальцем в небо ткнул.

Собираюсь возразить, но не успеваю — в дверях столовой появляется мужчина в зелёной куртке, с логотипом «Экспресс-Флора», вышитом на кармане. В руках огромный букет роз: алые, тяжёлые, почти агрессивные.

Чёрт...

Курьер взглядом шерстит по столовой и, заметив меня, движется к нашему столу.

Резко поднимаюсь на ноги. Холодной волной обдаёт шею и грудь. Розы — эти мясистые головы на шипастых стеблях, снова утягивают меня в воспоминания, от которых я так отчаянно пытаюсь избавиться.

— Нет, — шагаю назад и протестую ещё до того, как курьер успевает сказать хоть слово. — Заберите, пожалуйста. Я не приму.

— Оплачено уже, — пытается всунуть мне букет.

— Нет! — Так громко, что все в столовой оборачиваются на нас. — Сколько раз просила... Не возите. Перестаньте.

— Заказ ведь...

Не слушаю. Устремляюсь к выходу, спотыкаюсь о собственную ногу.

Чёрт, чёрт, чёрт...

Какой же ты подонок! Сколько можно изводить меня своими извинениями и угрозами? Найдётся ли на тебя управа?

Коридор встречает прохладой. Вдыхаю на четыре счёта, выдыхаю на шесть.

Голова кругом, к горлу подкатывает ком, а в глазах иррационально теплеет от слёз.

Пытаюсь проморгаться, чтобы прогнать горячие и жгучие.

За спиной тяжёлые быстрые шаги — не Лена.

Чужая рука касается мягко плеча.

— Я же сказала, что не приму! — Резко разворачиваюсь.

Алексей, хмурясь, протягивает мой телефон.

— Вы на столе оставили, — и снова взгляд этот пристальный, буравящий череп. — Помощь нужна?

— С чем? — Подрагивающими пальцами забираю свой гаджет, прячу в карман.

— С ухажёрами.

— Я справляюсь.

— Так и подумал, — хмыкает, однако без улыбки и намёка на сарказм. — В комнату проводить?

— Это ещё зачем?

— Спокойной ночи пожелать.

Устало выдыхаю. Кислород выходит из меня, как из сдувающегося воздушного шарика.

Шли бы лесом все эти... Ухажёры.

— Алексей, дурию не майтесь.

Ухожу.

Через улицу иду в свой корпус. Скромная комната на первом этаже встречает темнотой и ароматом хвои, впущенной через открытые настежь окна.

Валюсь на кровать без сил.

Телефон в кармане вибрирует, а сердце в такт ему тревожно вздрагивает.

Вытаскиваю.

Неизвестный: Спокойной ночи! Обещал ведь...

Вот же... Гад ползучий!

Глава 7

Алексей.

Просьпаюсь от жуткого утробного рычания, будто дикое раненое животное забралось в номер и вот-вот испустит дух, агонизируя и отчаянно сражаясь за последний глоток воздуха.

Подскакиваю с кровати, озираюсь. Сон мгновенно слетает.

Звук идёт из ванной — громкий, булькающий, мерзкий. Захожу туда и мгновенно жалею.

Степаныч, согнувшись над раковиной, яростно полощет горло какой-то подозрительной жижей и сморкается так, что кафельная плитка на стенах сотрясается. Окружающий хаос и брызги наталкивают на мысли о художественном переосмыслении полотен Поллока.

— Дед, ну ты бы хоть дверь закрыл! Тут люди вообще-то спят!

— А нам, Лёшка, уже давно пора вставать, — философски пожимает плечами и вытирает лицо полотенцем. — Скоро завтрак, а после терапевт.

— Зачем мне терапевт?

— Как зачем? — удивляется дед, будто я предложил ему варить компот из старых ботинок. — А кто процедуры назначать будет?

— Не нужны мне процедуры. Мне бы тут просто с ума не сойти. Нет уж, пропущу это удовольствие. Ни за какие коврижки меня туда не затащите!

Возвращаюсь в комнату, снова падаю на кровать. Хватаюсь за телефон и, уловив жалкую палку связи, отправляю минеральной девочке короткое сообщение с пожеланием доброго утра. Телефон мучительно долго и с надрывом отправляет текст, словно почтовый голубь с подбитым крылом.

Ответа, разумеется, не поступает. Как не поступило его и вчера вечером.

Странно, потому что я уверен в том, что наш диалог её зацепил. Я женщин знаю как облупленных. Ну не реагируют она так остро, если мужчина не задевает какие-то нежные струны. А уж я эти струны обнаружу и виртуозно на них сыграю. Главное — не порвать раньше времени.

Степаныч тем временем усаживается на свою кровать, достаёт тоненькую книжицу и очки. Вооружившись карандашом, он беззвучно шевелит губами, внимательно изучая страницы.

Я же пялюсь в потолок.

Не идёт медсестричка из головы.

Орешек в этот раз мне попался крепкий — не чета столичным фисташкам.

Обычно уже после второго шага все дамы сами раскрывают двери своего эмоционального сейфа — юмор творит чудеса. Но минеральная девочка, похоже, не из тех, кто легко ломается под тяжестью моих шуток. Она стоит гранитной скалой. Как Святогор.

Может, и у неё за плечами тяжёлый развод?

— Слушай, Лёш, — вдруг подаёт голос дед, отвлекая меня от тяжёлых дум. — «Сооружение, выступающее наружу из навесной стены укрепления». Семь букв.

— Бастион, дед.

— Бас-ти-он, — записывает. — Подходит.

Ну конечно подходит.

Вот и минеральная девочка моя похоже любителю выстраивать бастионы. Без тяжёлой артиллерии не подступиться.

Из-за двери, где-то далеко от нашей комнаты, раздаётся звонкое дребезжание тележки и звонкий женский голос.

Мгновенно вскакиваю, мчусь в ванную, наспех чищу зубы и натягиваю чёрную футболку-поло, прихорашиваясь перед зеркалом. Вполне годен для штурма непреступной крепости.

Степаныч наблюдает за моей лихорадочной активностью с насмешливой снисходительностью.

— Что?

— Перья-то распушил, жених! — Хмыкает, поправляя очки на переносице.

— Между прочим, я борюсь за своё счастье. А вдруг это судьба? Вдруг нам суждено всю жизнь прожить вместе и умереть в один день?

— Или ты заморочишь девке голову, а она потом страдать будет. Поди разбери вас, молодёжь. Одни игры на уме!

— Игры? — вскидываю я бровь. — Да нынче девчонки сами кого хочешь заморочат, ещё непонятно, кто здесь охотник, а кто добыча. Я хоть делаю что-то, а ты?

— А я кроссворд разгадываю, — серьёзно отвечает Степаныч, постукивая карандашом по книжке. — И для моих преклонных лет программа-максимум на день считай выполнена.

— Да уж, герой интеллектуального труда.

В нашу дверь, наконец, стучат.

Расплываюсь в сладкой улыбке чеширского кота и растекаюсь по откосу. Распахиваю дверь.

Сердце, взвившись от предвкушения, тут же разочарованно падает куда-то в район желудка.

На пороге стоит Леночка. С тележкой. С лучезарной улыбкой и лёгким цитрусовым ароматом парфюма, что, щекоча, касается ноздрей.

И гибкий женский стан, всегда радующий мой жадный взор, сейчас почему-то вызывает лёгкое чувство неудовлетворения и даже раздражения.

— Доброе утро, — улыбка Леночки становится ещё шире. — Минералка перед завтраком.

— А где ваша подруга?

Лёш, ну ты бы как-то поделикатней выяснял, что ли. Как пацан, в самом деле.

Лена загадочно улыбается, разливая воду по стаканчикам.

— Сегодня моя смена здесь, а она в медкорпусе.

— Ого, вот так совпадение! А я как раз в медкорпус собирался.

— Правда?

— Конечно, у меня же терапевт! Кто ещё мне процедуры назначит?

Дед за моей спиной громко и красноречиво фыркает, напоминая о том, как десять минут назад я бился об заклад, что и на пушечный выстрел к медкорпусу не подойду.

Да, вот такой я ветренный парень

Ну а что? И здоровье поправлю, и к красавице своей поближе буду.

Леночка загадочно улыбается, но в её глазах я замечаю мягкую иронию.

— Алексей, а может, тактику смените? Не любит она напористых.

— Что значит не любит? Все женщины любят напористых. Вот вам разве не нравится, когда завоёвывают ваше сердце?

— Она у нас пацифистка, Алексей. Против любого рода... — отводит взгляд в сторону. — насилия.

В груди что-то ёкает, неприятно и тревожно. Но я быстро отметаю зарождающуюся эмоцию.

— Леночка, а может вы мне имя вашей снежной королевы скажете наконец?

— Что вы, мне жизнь ещё дорога! — Хохочет, передаёт мне два стаканчика с минералкой.
— Вы лучше не опаздывайте к терапевту, она у нас женщина строгая, не понравится — точно курс клизм вам пропишет.

Невольно сжимаю булки.

— Да уж, стимул номер один.

— Стаканчики не разбрасывайте, пожалуйста, — машет мне Леночка на прощание и толкает свою тележку дальше по коридору.

Закрываю дверь.

— Особое эмоциональное состояние и мотивирующий импульс, возникающий при столкновении с новизной, риском или вызовом... — бубнит под нос дед, вчитываясь в кроссворд.

— Азарт, дед. Азарт, — вздыхаю, чувствуя, как адреналин снова растекается по венам.
Азарт.

И его-то мне точно не занимать.

Глава 8

Алексей.

Коридор медкорпуса гудит, как пчелиный улей.

Пенсионеры шатаются от двери к двери, периодически сбиваясь в группы, в которых живо обсуждается артрит, подагра, радикулит и ещё какие-то неведомые заболеваниями, названия которых звучат как древние заклинания, и о существовании которых я предпочёл бы никогда не узнать. Но теперь это кажется невозможным. Вся медицинская энциклопедия буквально кружит вокруг меня и вгрызается в мозг.

Наконец дверь кабинета терапевта открывается, и наружу выходит явно довольный жизнью Степаныч.

— Вперёд, внучек, твоя очередь, — подмигивает мне.

Киваю и, драматично вздохнув, шагаю внутрь.

Женщина за столом, сняв очки, критически изучает меня с головы до ног, будто оценивает в ломбарде подержанные часы.

— Проходите, садитесь, — сухо и безрадостно.

Сажусь.

Бегло осматриваю кабинет: широкий старенький стол, кушетка, допотопные советские весы с гирьками на ползунке. За расправленной ширмой кто-то шуршит.

Сердце неожиданно ёкает и, как радар, старается подобрать нужную частоту, чтобы понять, радоваться уже или рано.

Сердце, давай без паники.

— Меня зовут Жанна Аркадьевна, — женщина открывает мою новенькую карточку, водружает очки обратно на переносицу. — На время вашего пребывания здесь я — ваш лечащий врач. Так, Алексей, есть жалобы?

— На здоровье? Нет.

— Совсем?

— Совершенно здоров. Я мужчина хоть куда. В полном расцвете сил!

Жанна Аркадьевна строго вздёргивает бровь.

— Неужто и моторчик имеется?

— А то ж!

— Тогда что вы тут делаете?

— Заблудился в поисках смысла жизни, — снова пытаюсь разрядить атмосферу.

— Хронические заболевания есть?

— Скука считается?

Она коротко вздыхает и что-то записывает себе, а мне остаётся лишь молиться всем известным богам, чтобы это был не курс клизм.

За ширмой снова что-то шуршит и тихо звякает. Напрягаю слух. Внимание моё расплывается и рассеивается.

— Аллергии?

— На манную кашу с комочками.

Жанна Аркадьевна хмыкает и хватает тонометр.

— Ладно, шутник, помолчите теперь. Измерим давление.

Она обхватывает мою руку манжетой и накачивает воздух.

— Давление, как у космонавта, — констатирует врач, снимая манжету. — Вас хоть сейчас в космос запускать. Что же вы к нам-то, с таким здоровьем?

— Знаете, доктор, кажется, у меня с сердцем проблема, — как загипнотизированный плююсь на проклятую ширму.

— Какая именно?

— Пустота какая-то образовалась. Как будто кусочка не хватает. Может, у вас тут есть специалисты по душевным болям?

Жанна Аркадьевна смотрит на меня, как на умалишённого.

Ширма резко отодвигается, и моё сердце, которое я уже собрался хоронить, долбит с удвоенной силой.

Передо мной минеральная девочка собственной персоной. Однако смотрит на меня абсолютно равнодушно и тут же переключается на свою работу, перебирая какие-то бумажки.

— Вставайте, послушаю вас, — снимает с шеи стетоскоп Жанна Аркадьевна.

— Раздеваться надо? — спрашиваю я, стараясь не показать слишком явную заинтересованность, хотя внутри азартно потираю руки.

— А вы как думаете? — С сарказмом.

С готовностью стягиваю футболку через голову, демонстрируя рельефный пресс, на который было угрохано девяносто процентов моего свободного времени.

Уж в чём я точно не сомневаюсь, так это в собственной физической форме.

Но моя снежная королева, кажется, вообще не впечатлена. Даже взгляд в мою сторону не поворачивает.

Эх, жестокая какая женщина!

Врач тянется ко мне стетоскопом, но коснуться не успевает — дверь резко распахивается.

— Жанна Аркадьевна, — врывается в кабинет женщина в белом халате, — там мужчине плохо!

— Где?

— Да прямо в коридоре! Идёмте скорей!

Жанна Аркадьевна вздыхает.

— Любовь Андреевна, заканчивайте осмотр без меня, — и мгновенно исчезает за дверью.

Улыбка сама собой расплзается по лицу.

Ну неужто госпожа фортуна решила повернуться ко мне не своей филейной частью?

Любовь Андреевна, значит? Как красиво звучит.

Она вздыхает и с неохотой достает из ящика стола другой стетоскоп. Подходит ближе, обдавая меня свежим и чуть хвойным ароматом парфюма.

Вдыхаю глубоко.

Холодная мембрана касается кожи, холод против тепла её пальцев — контраст, взрывающий каждую клетку тела.

— Значит, Люба?

Она резко поднимает на меня строгий взгляд. В глазах сверкает вызов. А глаза тёплые, карии, глубокие. В такие если рухнуть — не выбраться потом. И я, как камикадзе, позволяю себе зависнуть в них, наплевав на последствия.

— Любовь Андреевна для вас.

— Что же вы, Любовь Андреевна, на сообщения не отвечаете?

— А должна?

— Этикет так предписывает. Я вам «доброе утро», а вы мне игнор. Некрасиво.

— Я не обязана вам отвечать, — спокойно, но резко говорит она, продолжая слушать дыхание. — Вы мой номер обманом добыли.

— Ну какой же это обман? Просто воспользовался моментом. Неужели такое возбраняется?

— Не приветствуется. Дыхание чистое, хрипов нет, — заключает Люба и убирает руку.

Ловлю её ладонь. Мягко, но настойчиво возвращаю на место идвигаю мембрану по груди к сердцу.

Глаза её распахиваются шире, губы размыкаются.

Гашу импульс толкнуться ближе и впиться в них поцелуем. Мгновенно огребу, дело ясное.

— Любовь Андреевна, вы вот здесь не послушали.

И сердце, в ответ на прикосновение подрагивающих пальцев, долбит часто и с оттяжкой. Разгоняет кровь так, что из ушей у меня вот-вот пар повалит.

Взгляд Любы рассеянно скользит по мышцам груди и плеч. Будто гладит.

Меня от этого взгляда плавит и размазывает.

Дыхание становится тяжёлым, напряжение в теле нарастает и становится почти болезненным.

Тело не привыкло, что ему отказывают.

— Что слышите, Любовь Андреевна? — Шепчу.

— У вас тахикардия.

— Знаю. И вы её причина.

Она снова сверлит меня строгим взглядом, с нервом выдёргивает руку.

— Назначу вам магниевые ванны. Успокоить нервы.

— Нервы-то, может, и успокоят, а вот мысли точно нет. Может, что-то посерьёзнее придумаете?

— Придумаю, — она надавливает мне на плечо, вынуждая сесть. Протягивает какой-то бланк. — За дополнительную плату можно приобрести курс массажа.

— А кто массаж делать будет? Вы?

— Ну разумеется, — мурлычет Люба, понижая голос до интимного полусшёпота. Подается ближе ко мне. — Я знаю такие техники массажа, от которых вы мгновенно закончите... нервничать.

Громко сглатываю. Не глядя шарю по столу в поисках ручки.

— Записываюсь на каждый день.

— Славно, — поджимает она губы, явно довольная моим смущением. — Подписи свои поставьте.

Ставлю подписи быстро, почти не разбирая текст.

— Значит, увидимся на массаже?

— Угу, — равнодушно кивает и тут же отворачивается, переключаясь на бумаги.

Быстро натягиваю футболку и открываю дверь. Чувствую себя одновременно победителем и побеждённым.

Ну и штучка, эта Любаша!

В коридоре столпотворение и шум. Протискиваюсь вперёд.

Подхожу ближе, и сердце вздрагивает: на полу лежит Степаныч.

Глава 9

Алексей.

С беспокойством склоняюсь над лежащим на полу Степанычем. Вокруг перешёптываются и толпятся бабушки, словно на городском собрании по благоустройству двора. То и дело доносится участливое:

— Ой, бедненький... Да как же так...

— Что с ним?

— Ох, голубчик... Совсем белый...

Присаживаюсь рядом, касаюсь плеча Степаныча.

— Дед, ты живой вообще?

Рядом приседает Люба. Её красивые брови напряжённо встречаются над переносицей, а взгляд озабоченно сканирует лежащего звездой героя.

— Что случилось? — С неприкрытой тревогой в голосе.

Дед тихо стонет, наслаждаясь вниманием публики.

— Нормально всё с ним, — на лице Жанны Аркадьевны отражается вселенская усталость, — лёгкое головокружение. Давление упало. Переволновался. Или из-за духоты... Разойдитесь! Не толпитесь!

— Ах, бедный! — снова вздыхает одна из бабушек. — Давление такое коварное...

Жанна Аркадьевна достаёт из кармана халата тонкий блокнот и ручку, чёркает что-то, открывает лист, передаёт Любе.

— Любовь Андреевна, проводите пациента в кислородный кабинет вне очереди. Пускай посидит, подышит.

— Конечно.

Поднимается Люба — поднимаюсь и я.

Куда собралась?

Нет уж, я теперь, Любаша, твоей личной тенью стану.

— С я вами, Любовь Андреевна, — галантно подставляю локоть, но Снежная Королева его, ожидаемо, игнорирует.

Вместо этого пригвозждает меня к месту взглядом, который мог бы заморозить солнце.

— С какой стати?

— Степан Фёдорович мой лучший друг.

— Фёдор Степаныч... — сдаёт меня, партизан.

Ну, ой! Мог бы и промолчать.

Люба хмурится ещё сильнее, явно сомневаясь в моей адекватности, но не спорит. Уходит вперёд.

Дед поднимается медленно и осторожно, придерживая поясницу и драматично кряхтя.

— Да что ж так прихватило-то? — тяжело вздыхает он, вжимая голову в плечи.

Толпа постепенно рассеивается, и одна старушка, чуть задержавшись, наклоняется к нему с заботливой улыбкой:

— Будет скучно — заглядывайте вечером в двести четвёртую комнату. Мы там с девчонками в шахматы играем.

— Благодарствую, сударыня, — кивает дед, горделиво расправляя плечи и тут же снова вытягивая шею, изображая боль.

Сдаётся мне, здесь не столько давление, сколько острое воспаление хитрости. Что за актёр вдруг проснулся в старике, и почему он проснулся именно сейчас — вопрос хороший.

Идём со Степанычем следом за Любашей.

Дед воровато оглядывается и вдруг сухими пальцами вцепляется в моё предплечье.

— Алёшка, выручай! — Шепчет тихо-тихо.

— С чем?

Снова оглядывается, словно нас тут подслушивают из-за каждого угла.

— С моей Миледи.

— С кем? С Миледи?

— Ты сказал, первым делом нужно эффектно появиться. Я пока думал, как бы мне покрасивше распластаться, Миледи и улизнала. Я упал, а её и след простыл. Считаю, зря падал.

— Ничего не зря, «девчонки» из двести четвёртой тебя на шахматы ждут, — подстёбываю беззлобно.

Но дед серьёзно отмахивается.

— Что мне другие? Мне та самая нужна!

— Ну так вперёд и с песней! Я погляжу, твоего актёрского таланта на весь Голливуд хватит.

Степаныч возмущённо цокает языком:

— Смейся, смейся. А я тебя как друга прошу: Алёшка, помоги!

Проходим мимо процедурных кабинетов, запах спирта и лекарств слегка кружит голову. Впереди Люба идёт.

В конце коридора большое окно, через которое льётся солнечный свет. Он подсвечивает силуэт Любаши так соблазнительно, что я теряю нить диалога со Степанычем. То и дело скашиваю взгляд на крутые бёдра, вырисовывающие в воздухе восьмёрки.

Туда-сюда...

Туда-сюда...

На дыбы встаёт всё мужское во мне.

— Ну так что, Лёшка?

Чёрт...

О чём мы там говорили?

— А?

— Поможешь?

— Ладно, — тихо отвечаю деду. — Но только если ты pomoжешь мне.

— Чем это?

Киваю на спину идущей впереди Любы, в очередной раз ловлю микроинсульт от округлостей бёдер, затянутых в белый халат.

— Стратегия требует корректировок. Минеральная девочка что-то совсем на меня не ведётся. Думает, я сноб и баловень судьбы.

— Как я тебе помогу, если ты и есть сноб и баловень?

— Дед, просто изображай немощь, а я буду твоим другом, добрым, заботливым, всегда оказывающимся рядом и готовым подставить плечо.

— Чего? — Резко даёт по тормозам среди коридора. — Изображать немощь перед женщиной? Это ж какое унижение!

Подталкиваю его в плечо.

— Ты только что перед половиной санатория распластался на полу! Куда уж унижительней?

— То — секундная слабость! А ты предлагаешь старому боевому коню спектакль ломать. Я, между прочим, хоть куда ещё!

— Ну вот тогда и справляйся сам со своей Миледи. — Изображаю полнейшее равнодушие. — Моё дело предложить, твое — отказаться.

Дед угрюмо ворчит что-то себе под нос, складывает руки на груди.

— Ладно, уговорил, баловень... — сдаётся наконец после недолгих моральных метаний. Любаша останавливается у одной из дверей.

— Сюда, пожалуйста.

Заходим внутрь. В кабинете лёгкий запах лекарств и спокойный полумрак. Люба жестом показывает на мягкую кушетку.

— Присаживайтесь, Фёдор Степанович. Подключу вам кислородную маску, сразу полегчает.

Дед аккуратно садится, снова театрально охает.

Вот же какой! Это кто ещё у кого учиться должен. Я вот так по щелчку умирающего лебеда изображать не умею, например.

Люба ловко подсоединяет кислородный аппарат.

— Вдыхайте медленно и спокойно, — раздаёт инструкции, а потом скашивает на меня подозрительный взгляд. — Алексей, а вы что здесь стоите? У вас с давлением проблем нет.

Выходит.

Тащусь за ней, как бычок на поводу.

— А я для моральной поддержки. Друзей ведь в беде не бросают, — с серьёзностью, достойной Оскара.

— Вот уж не думала, что вы знаете слово «дружба».

— И снова эти поспешные выводы. Любовь Андреевна, я тронут вашей заботой о моём моральном облике, но поверьте, дружба мне не чужда.

— Вам вообще знакомо хоть что-нибудь, кроме флирта и самолюбования? — Обваривает меня недоверчивым взглядом.

— Зависть, например, когда вижу, как вы легко и непринуждённо отправляете людей куда подальше. Хочу взять пару уроков.

— Вам никакие уроки не помогут. Здесь нужен исключительно природный талант, Алексей. А он у вас совершенно иного рода.

— Какого же, если не секрет? — Делаю шаг ближе.

— Талант природного раздражителя, — Любаша отшагивает назад.

— О, — театрально прикладываю руку к сердцу, — вы ранили меня, доктор!

— Я медсестра, — поправляет подчёркнуто строго. Снова хмурит изящные брови, а сама тихо отступает к стене.

— Любовь Андреевна, а что, если мы с вами заключим перемирие? На время. Исключительно ради пациента, — киваю в сторону кабинета.

Люба приоткрывает рот, облизывает губы.

Втыкаю в этот короткий жест.

Заставляю себя остановиться и не наступать больше, хотя Любаша уже прижимается лопатками к стене.

Не маньяч, Лёша. Видишь, в этом заповеднике одни оленята.

Куда ты ломишься?

А тело привычно прёт вперёд, да. И приходится прикладывать усилия, чтобы не давить.

Выдохнув, отступаю к противоположной стене.

— Ну что, Любовь Андреевна? Мир?

— Если только ради Фёдора Степановича, — подчёркнуто холодно соглашается Люба и обнимает себя руками за плечи.

Разворачивается, уходит.

— Любовь Андреевна! А вы оперу любите? — Кричу ей в спину. — Или, может, стихи? Игнорит.

Ладно, сам найду твои слабые места.

Заглядываю к Степанычу. Тот блаженно вдыхает кислород, распластавшись по кушетке.

— Да, дед, влипли мы с тобой.

— Терпи, внучек, тяжела доля Казановы.

Опускаюсь рядом, забираю маску. Дышу сам.

Мне тоже воздуха не хватает, Люба весь унесла с собой.

Что ж, будем вместе с «боевым конём» терпеть. Ради нашей общей победы на любовном фронте.

Глава 10

Люба.

В кабинете терапевта расставляю по полкам ампулы, проверяю сроки годности. Ленка рядом перебирает карточки пациентов и переносит назначения в бланки, то и дело морщит нос, стараясь разобрать почерк Жанны Аркадьевны.

Зеваю. Так широко, что челюстной сустав щёлкает.

Ночь выдалась беспокойной, и вроде не полнолуние, а спала хуже некуда. И, что совсем плохо, снился мне Алексей. Снился странно, тревожно, перетекая в образ того, чьё имя стараюсь даже в мыслях не произносить. Один сменял другого так плавно, что я запуталась, где заканчивается насмешливый городской пижон и начинается мрачный тиран из прошлого.

Лена мурчит себе под нос мелодию из какого-то сериала — безмятежна, как котёнок на солнце. Я пытаюсь поймать её настрой, но вместо этого снова зеваю громко.

— Сонная муха, — комментирует Лена, не поднимая головы.

— Ночь дурная была.

— И денёк не лучше. Народ как с цепи сорвался, всё жалуется и жалуется...

— Магнитные бури, наверное.

— Или звёзды как-то не так встали, — философствует Лена, отбрасывая очередную карточку в сторону. — О, новенький наш массаж взял?

— Кто?

— Да Алексей.

Удобно устроившаяся в моём сонном мозгу картинка Алексея вспыхивает ярче. Тело реагирует мгновенно: в животе словно раскручивается какая-то странная спираль.

— А, этот... — равнодушно пожимаю плечами. — Да, возжелал массажа.

Лена разглядывает назначение.

— Ого! Ещё и на каждый день записался. Отчаянный... Не завидую.

— Ничего, ему полезно. Может, Зоя Егоровна его так намнёт, что мозги наконец на место встанут.

Лена вздыхает.

Чувствую на себе её взгляд: тёплый, но тяжёлый.

— Любаш, ну вот чего ты на него так взъелась? Он ведь тебе ничего плохого не сделал. Что теперь, всех мужиков отменишь, потому что Торопов оказался чудачком на букву «м»?

Хочется ответить что-то острое, но сонная вата в голове не даёт подобрать колкости.

Выдыхаю.

— Никого я не отменяю. Мне вообще на этих мужчин всё равно. Они там, я тут. Краткосрочные романы меня не интересуют, а в любовь я больше не верю. И давай закроем эту тему, хотя бы на сегодня.

Лена тяжело вздыхает и откладывает карточку.

Собираю назначения, подравниваю ребром о стол.

— Отнесу на пост.

— Иди-иди. Эх, такой нос пропадает... — летит мне тихо в спину.

Выхожу из медкорпуса, шагаю по знакомой тропинке через сосновый бор. Пахнет здесь тёплой смолой, хвоей. Солнечные лучи, продираясь сквозь ветви, рисуют на тропинке кружева. Глубоко вдыхаю свежий воздух, успокаивая расшатанные нервы.

Хорошо...

— Любовь Андреевна! — Слышу знакомый уже голос.

Было хорошо...

Закатываю глаза и ускоряю шаг.

Нет, только не он...

— Любовь Андреевна, подождите!

Алексей догоняет, а затем и обгоняет меня. Разворачивается, шагает по тропинке спиной вперёд. В руках небольшой букетик полевых цветов: золотистые жарки, васильки, лютики, иван-чай.

Букетик нежный.

Намного нежнее душистых красных роз.

— Это вам, — протягивает.

— Заберите.

— Любовь Андреевна, да вы что! Я их час собирал. Клещей по кустам гонял, ноги исцарапал, репутацию столичного франта поставил под угрозу. А вы — «заберите».

— Жарки, между прочим, занесены в Красную книгу. Эко-терроризм налицо, — жёстко отбрываю.

Ох, Люба, откуда в тебе столько яда с утра?

Алексей хмурится, но почти мгновенно возвращает улыбку на лицо.

— Любовь Андреевна, я же от чистого сердца, а вы снова кусаетесь. Ну что я вам плохого сделал?

В груди откликается знакомое покалывание: смесь раздражения и чего-то опасно-приятного.

— Алексей, вас слишком много, — вздыхаю и снова зеваю.

— Не выпались? Сочувствую. У меня, между прочим, тоже не сложилось. Всю ночь мучил один сон: Снежная королева — ледяная такая, красивая — мучает бедного Кая. Каждую минуту то топит, то морозит.

— Рада за вашу богатую фантазию.

— Предлагаю всем, кого обидел сегодня Морфей, выпить кофе!

— Нет.

— Почему?

— Откровенно говоря, кофе здесь отвратительный.

— А какой вам нравится?

— В городе продают вкусный, с сиропом.

Зажмуриваюсь, вспоминая вкус настоящего хорошего кофе.

А по небу словно растекается пряная горчинка.

Ммм...

— Так чего же мы ждём, Любовь Андреевна? Давайте выберемся в город.

— Это вы отдыхаете, Алексей. А я работаю. — Делают шаг в сторону, но он синхронно смещается, не даёт обойти.

— Ладно, отложим гастрономический тур. Мне сказали, тут неподалёку озеро есть. Пойдёмте купаться?

— Я с вами? На озеро купаться? Вы меня за кого принимаете?

— А вы за кого принимаете меня, если самое плохое уже подумали? Я вас просто освежиться зову, а вы... Обидно, Любовь Андреевна, вы буквально крылья мне подрезаете. Не боитесь, что я упаду и в лепёшку расшибусь?

— Такие, как вы, не падают.

В следующую же секунду Алексей неловко цепляет пяткой кривой корень сосны, торчащий из земли и, потеряв равновесие, валится на спину. Букет взмывает вверх пёстрым салютом и осыпается на его грудь и лицо.

— Алексей! — Вскрикиваю от неожиданности.

Лежит.

Не шевелится.

— Эй! — Присаживаюсь рядом. Ловлю пальцами пульс на мощной шее.
Пульс есть.
Оттягиваю веко, проверяю реакцию зрачков.
— Алексей... — Касаюсь ладонью прохладной щеки.
Не открывая глаз, ползучий гад расплывается в довольной улыбке.
— Сработало? Хоть чуть-чуть волнуетесь? Любовь Андреевна, неужели мне нужно рисковать жизнью, чтобы вы на меня внимание обратили?
— Не так уж вы и рисковали, — раздражённо фыркаю.
А раздражаюсь больше на собственное сердечко, так глупо забившееся при виде неподвижно лежащего Алексея.
— Голова кружится, тошнит?
— Кружится. Страшно кружится, когда вы так близко. Мир вращается опасно быстро.
— Ну и отлично. Лежите, привыкайте, — резко встаю, шагаю вперёд.
Через несколько секунд Алексей снова догоняет меня и опять протягивает чуть поредевший букет.
— Ну хоть цветы заберите, Любовь Андреевна.
— Нет.
— Что мне с ними делать теперь?
— Гербарий.
Гад тащится рядом. Молчит, будто обдумывает новый манёвр.
Перед корпусом опережает меня, открывает стеклянную дверь.
— Прошу, — отвешивает шутливый поклон.
Молча прохожу мимо.
— Любовь Андреевна, ну может просто прогуляемся?
Захожу в кабинет.
— Экскурсия окончена. Алексей, у вас процедуры по расписанию. Прошу не опаздывать, иначе...
— Курс клизм пропишете? — Морщится.
— Именно, — захлопываю перед его носом дверь.
Стучится.
Не открываю.
— А кто ставить будет? — С идиотским восторгом в голосе. — В ваши нежные руки я хоть сейчас готов!
Настырный! Какой же настырный и упёртый.
Вскоре слышу удаляющиеся шаги.
Господи...
Сердце стучит так, будто всю дорогу бежала.
Опускаюсь на стул, смотрю на свои руки — подрагивают.
Смешно.
Люб, с тобой чего? Поддалась на очарование павлина?
Почему? Что в нём привлекательного?
А привлекательное, нужно отметить, действительно имеется. Алексей харизматичный и обаятельный. За словом в карман не лезет. Скорей, по карманам оппонента напихает своих — так много у него острых, словно заранее заготовленных фраз.
Да и внешне, чего скрывать, Алексей очень даже.
Плечист, могуч, красив...
Чёрт, Люба, перестань!
А Люба, точнее самая иррациональная её часть, радостно последние мозги прокручивает через мясорубку, водрузив на мысленный постамент фотографию Алексея.

Это опасно. Жизнь уже доказывала, что чем ярче карусель, тем больше падать с высоты.
Наваливается усталость. Снова и снова зеваю.

Ночь в кошмарах, утро в словесных дуэлях.

Может, Лена права: я стала слишком колючей. С другой стороны, колючки — лучшая броня, которую я знаю.

Занимаюсь делами.

Бумаги медленно усыпляют раздражение, возвращают привычный порядок мыслям.
Почти на час я закапываюсь в документы, а отвлекаюсь лишь тогда, когда в окно тихо стучат.

Отдвигаю жалюзи.

Никого нет.

Зато на подоконнике, источая невероятно соблазнительные ароматы, стоит белый картонный стаканчик с аккуратной наклейкой кофейни из города. Рядом — букет, чуть подвядший уже, но упрямо яркий.

И записка, сложенная вдвое.

«Отомстите Морфею. Ваш Кай»

Через раздражение улыбаюсь. Забираю подношение, замираю с цветами в руках. Медовый аромат смешивается с горечью обжаренных зёрен.

Крепость брони проверяется ударом.

Остаётся лишь надеяться, что моей брони хватит, чтобы отразить каждый из них.

Глава 11

Алексей.

— Гадость редкостная... — Степаныч внимательно вглядывается в чёрные блестящие глаза змеи.

Она словно живая, ни за что не отличить от настоящей. Урвал последнюю в детском магазине, пока охотился в городе за кофе для Любаши. Хитрое чудо техники: нажимаю кнопку — хвост извивается, пасть раскрывается.

Похлопываю древнего кавалера по плечу.

— Дед, не трусь. Такого эффектного появления даже я себе не устраивал.

Снова жму кнопку — хвост змеи задорно виляет, пластмассовые чешуйки ловят солнечные лучи и переливаются. Степаныч ёжится и отшагивает в можжевельник.

— Ой, Лёшка, чую, не выгорит... А вдруг Миледи инфаркт схватит?

— Никаких инфарктов. План надёжный, как швейцарские часы! Мы подкарауливаем твою Миледи, я запускаю чудовище, она пугается, ты вылетаешь и героически спасаешь мир. Оркестр, цветы, оvation, признание дамы.

— А если что-нибудь пойдёт не так?

— Что может пойти не так? — Смеюсь и, чтоб показать надёжность «зверя», заставляю резиновую рептилию исполнить твист.

— Ну не знаю... — Степаныч недоверчиво качает головой.

— Слушай, просто расслабься и доверься профессионалу. Я в таких вещах знаю толк! Всё, по местам.

Отползаем в кусты.

Из главного корпуса потихоньку тянется народ, завершивший трапезу. Нерасторопные бабушки обмахиваются брошюрами, дедушки постукивают палочками.

Идут, гудят, как пчёлы.

Миледи появляется в дверях корпуса едва ли не позже всех: соломенная шляпка, кремовый льняной костюм. Шаг лёгкий, плавный.

Степаныч глухо и протяжно охает.

Мотор старенький, а вон как рычит! Правильно говорят: любви все возрасты покорны.

— Ну, д'Артаньян, седлай коня, — шепчу. — Скоро твой выход.

Дед вытирает ладонью внезапно образовавшуюся испарину с виска, поправляет ворот пёстрой рубахи и вздыхает так, будто идёт на бордаж.

Миледи сворачивает на нужную нам тропинку, прогулочным шагом приближается всё ближе. Дышит хвойным воздухом, поднимает глаза к небу.

— Можно уже? — Степаныч рывком дёргается вперёд.

— Стоять. Поближе подпустим, чтобы уже не улизнула.

Дед кричит и сжимает сухие пальцы в кулаки. Разнервничался совсем. Как бы это в самом деле не закончилось инфарктом всего Степаныча.

Миледи совсем близко.

Жму кнопку. Змея, как на репетиции, выныривает из кустов.

Шур-шур! — шелестит травой и листвой, бросаясь прямо под ноги «жертвы». Из пасти через динамик раздаётся злое шипение.

Миледи коротко вскрикивает, делает медленный шаг назад. Однако не впадает в истерику — оборону держит достойно.

— Ещё чуть-чуть, — подбавляю скорость.

Змея мотает головой, закручивает опасно хвост в спираль.

— Пошёл! — Толкаю Степаныча в плечо.

Тот, крепко матюгнувшись на удачу, вываливается вслед за змеей.

— Не бойтесь, милая, я вас спасу! — Вопит, расправляя плечи.

Грудь колесом, живот втянут, спина прямая — всё, как я учил!

Ай да молоток, дед!

Отчаянно жму на кнопки, чтобы Степаныч мог в полной мере раскрыть свой захороненный под артритом и хондрозом талант супергероя. Но внимание моё рассеивается и размазывается, когда боковое зрение улавливает знакомый силуэт.

Любаша...

Не идёт — плывёт.

Без привычного белого халата: сейчас на ней воздушная бежевая блузка и атласная юбка цвета летнего неба. Волосы распущены, длинные блестящие пряди развеваются за спиной.

И эти изумительные бёдра снова рисуют гипнотизирующие восьмёрки в воздухе: раз-два, раз-два...

Е-моё...

Сердце моё проваливается на дно желудка с тихим «дзынь». В мозгах вата.

В грудной клетке тесно становится. Внутри разрастается странное покалывание, от которого одновременно тепло и холодно.

Смотрю с жадностью, и даже моргнуть боюсь — кажется, стоит прикрыть глаза на миг, и волшебный образ растворится в прогретом солнцем воздухе.

Мир вокруг обесцвечивается, и лишь одним ярким пятном, не лишённым красок, остаётся она — Снежная Королева.

Дыши, Лёша, дыши.

В реальность меня возвращает отборное чертыханье Степаныча.

Обращаю взгляд на тропинку: змея уже не просто шипит — она выделяет тверк, потому что пульт управления беспомощно стиснут в моём кулаке. Степаныч пытается схватить хвост резиновой гадины, но та ускользает меж его широко расставленных ног.

Дед тянется, едва не завязываясь в морской узел. Пытается ухватить её за голову, но та в не свойственной для змей манере отпрыгивает в сторону. Степаныч делает рывок, сам едва не падая, но Миледи успевает придержать его, молниеносным ударом башмачка подкидывает змею в воздух, отбрасывая, а затем, не теряя достоинства, прижимает её голову к земле каблучком.

Захлопываю широко разинутый, оказывается, рот.

Не удивлюсь, если Миледи эта в прошлом — агент секретных спецслужб.

Любаша, слышав шум и нездоровое для этих мест шевеление, ускоряет шаг.

Выгребаю из кустов к месту происшествия как раз одновременно со Снежной Королевой.

— Что тут происходит?! — Спрашивает она, строго зыря на собравшихся.

Миледи шурится, наклоняется ближе к обездвиженной змее. Поднимает у руки и трясёт трофеем в воздухе перед носом обескураженного Степаныча.

— Игрушка... — констатирует с неудовольствием.

Степаныч делает лицо в духе «знать не знаю, что здесь происходит».

— Ну, да, — выступаю вперёд, принимая удар на себя. — Игрушка. Пошутить хотел. Не смешно?

Миледи фыркает, гордо вздёргивает подбородок.

— Ну, молодые люди... — Переводит ядовитый взгляд с меня на д'Артаньяна. — Знаете ли!

Припечатывает к моей груди потрёпанную змею, снова фыркает и уходит.

Любаша грозно подбоченивается.

— Безобразники! — Строгий взгляд училки сканирует нас обоих рентгеновскими лучами. — Вы зачем порядок нарушаете?!

Стоим, словно два пса, которых отчитывают за то, что погрызли лабутены хозяйки. Головы в плечи вжимает, взгляды отводим.

Того и гляди, получим сейчас по мушкетёрским мордам тряпкой.

— Да мы вот...

— Да мы просто...

— Просто! — Перебивает Любаша и тычет в меня открытой ладонью. — Ладно этот, у него один ветер в голове, но вы-то, Фёдор Степанович, куда? Не ожидала от вас такого! Правильно говорят: с кем поведёшься...

Разворачивается и идёт к медкорпусу.

Вручаю деду злополучную рептилию. Тот смотрит на неё с полнейшим разочарованием, поджимает губы.

— И что делать теперь? Кажется, мы всё испортили.

— Почему сразу испортили? Эффектное появление было? Было! Я ведь и не говорил, что эффект всегда должен быть положительным. Не дрейфь, Степаныч, разберёмся!

Устремляюсь вслед за королевой сердца своего.

Догоняю.

— Любовь Андреевна!

Она ускоряет шаг.

Атласная юбка, обнимая стройные колени, шуршит тихо.

— Сердитесь?

— Сержусь, — резко.

— Ну, что я сделал такого страшного?

— Ведёте себя плохо вы, а отзывы плохие будут нам писать!

— Да бросьте! Ну, хотите я этот ваш отзыв куплю? Весь целиком. Лично для вас. И вы будете сами писать туда только лучшие отзывы.

— Ни в коем случае, — хмурится.

— Что, не одобряете простых путей?

— Я предпочитаю честность во всём.

— Похвально! Не поверите, но я тоже. Вот честно: нравитесь вы мне. Очень!

Любаша тормозит резко, вкапывается низкими каблучками босоножек в землистую тропинку.

Взгляд — холодный, но всё же немного растерянный, блуждает по моему лицу, не задерживаясь ни на секунду.

Вдоль позвоночника галопируют мурашки. Целым стадом мигрируют с лопаток к пояснице и обратно, как неугомонные.

— Не смейте говорить такое, Алексей, — шепчет Люба с жаром.

— Почему же?

— Вы меня не знаете совсем, а разбрасываетесь громкими словами и чувствами.

— У меня их много, — парирую выпад. — И слов, и чувств. На меня и на вас хватит.

Люба набирает в лёгкие побольше воздуха, словно собирается яростно оспаривать мое заявление. Однако уже спустя долю секунду с усталостью выдыхает.

Отводит взгляд.

— Алексей, вы все назначенные процедуры прошли?

— До обеда подышал какой-то эвкалиптовой бурдой. Не торкнуло. Нужен допинг покруче. Кстати, у меня как раз массаж сейчас.

— Прекрасно.

Вместе заходим в медкорпус.

Придерживаю для Любаши дверь.

— Дойдём вместе, раз уж нам по пути?

— Вы идите пока, начинайте без меня, — склонив голову к плечу, улыбается как-то хитро. — Я присоединюсь позже.

Прячется в своём кабинетике.

Озадаченно чешу затылок.

Как начинать массаж без неё?

Ладно...

Поднимаюсь, толкаю дверь массажного кабинета.

Внутри — женщина. Огромная, как скала, и такая же непробиваемая, судя по недружелюбному выражению лица.

— Здрасьте... А вы кто у нас?

— Зоя Егоровна, — моргает мне так, словно это всё должно объяснить.

— И что вы здесь делаете? У меня, вообще-то, массаж вот-вот начнётся.

— Ну так раздевайтесь, — Зоя Егоровна прохрустывает суставы пальцев и хлопает ладонью па массажному столу.

Вот чёрт!

А Снежная Королева, оказывается, тоже умеет играть...

Глава 12

Алексей.

Лежу в своей комнате на кровати, боюсь пошевелиться.

Моё тело превратилось в одну сплошную гематому. Я сейчас не мужчина, а жалкий слизень, по которому только что с победным маршем прошёлся отряд тяжёлой артиллерии. Кажется, я даже дышу с трудом.

У меня болят мышцы, сухожилия, связки, суставы, внутренние органы и даже, кажется, совесть, о существовании которой я прежде и не подозревал.

О, эта Зоя Егоровна...

С первых секунд стало понятно: пощады не будет, и жалости в этой женщине ноль целых ноль десятых.

Её могучие ладони опускались на мою спину с силой гидравлического пресса.

Она посоветовала мне расслабиться.

Расслабиться я, естественно, не успел. Наоборот, моё тело резко вспомнило всё, что я делал с ним на протяжении своей беспечной жизни. Вспомнились все корпоративы, вечеринки и спортивные подвиги в тренажёрке. Всё, что до этого было просто приятной картинкой в памяти, теперь превратилось в раскалённые иглы боли, глубоко вонзающиеся в мою много-страдальную спину.

И понеслось...

Сначала мне казалось, что у неё четыре руки. Потом — шесть. Когда она добралась до поясницы, мне стало страшно подумать, сколько у неё рук.

Когда она начала массировать мои икры, я не выдержал и, кажется, всхлипнул...

— Молчать, боец! — С ехидным смешком Зоя подбадривала меня всё время. — Завтра заново родишься!

И я поверил.

Потому что в какой-то момент мне начало казаться, что прямо сейчас я умру.

К концу процедуры я уже не мог ничего, даже слабо возражать. Меня перестали беспокоить все проблемы человечества, вся моя насыщенная любовная жизнь, и даже холодность Любаши перестала быть такой болезненной по сравнению с пыткой Зои Егоровны.

В конце Зоя Егоровна оптимистично напомнила, что завтра мы встречаемся в это же время.

Я хотел ответить что-то язвительное, но сумел лишь выдохнуть что-то бессвязное, после чего молча, дрожа и прихрамывая уполз в номер.

И вот сейчас я лежу на кровати и понимаю, что не готов двигаться ещё примерно неделю. С каждым вдохом чувствую, как мои мышцы дрожат от ужаса перед перспективой шевелиться.

Ох, Любаша... жестоко ты поступила.

А я ведь почти готов был поверить, что наша война переходит в стадию перемирия.

Но это... Это же самая настоящая диверсия, покушение на боеспособность противника!

Осторожно перекатываюсь с бока на спину, тихо шиплю от боли.

Окно открыто настежь.

В комнату вползает бархатистый летний вечер, густо настоящий на запахе смолы и прелой хвои. Сверчки на улице ведут негромкий диалог о чём-то своём, уютном и сокровенном. Странное дело: их монотонный стрёкот действует успокаивающе, как давно забытая колыбельная из детства.

Издали доносится едва слышная песня Высоцкого — чей-то магнитофон с упоением погружает санаторий обратно в СССР.

Степаныч неспешно перебирает разноцветные таблетки и пузырьки, расставленные на старой тумбочке, обитой светло-коричневым шпоном. Тумба негромко поскрипывает под его движениями.

Пара «карамелек» ложится в ладонь, а затем отправляется в рот. За ними ещё. И ещё.

— Ты там чего так увлечённо глотаешь, дед? — Медленно запрокидываю руку за голову.
— Целая аптека.

Степаныч поворачивает голову, снимает очки и тяжело вздыхает. Пальцы у него худые, длинные, узловатые — перебирают коробочки тщательно, словно ищут что-то очень важное среди самоцветов.

— Да... Аптека, Лёшка. Жизнь на таблетках. Вот это от давления. Это — чтоб сердце не шалило, часто подводит уже. Вот эти — сосуды поддержать, а это — чтоб суставы меньше скрипели...

Его руки двигаются по столешнице плавно, осторожно, будто он обращается не с банальными таблетками, а с чем-то бесконечно хрупким и ценным.

Тихо наблюдаю, как он берёт очередную коробочку, долго всматривается в мелкий шрифт на упаковке, потом осторожно откладывает в сторону.

— Что-то у тебя слишком много всего, дед. Хотя развалюхой ты не кажешься.

Степаныч тяжело вздыхает, откладывает лекарства, мелко жуёт сухие губы.

— Оно, Лёшка, не сразу всё происходит. Не за день и не за месяц. Сначала мелочи всякие: там поболит, тут кольнёт. Думаешь, пройдет само. Потом одна болячка цепляет другую. И вроде живёшь, вроде ходишь, а внутри уже весь переломанный. Вот и латаюсь потихоньку. — Он поднимает глаза, неожиданно серьёзные. — А раньше знаешь, какой я был? Ты в курсе вообще, какая у меня фамилия?

Смотрю в его лицо — уставшее, но доброе, с глубокими морщинами и бороздами, в которых залегла вся история его долгой и, судя по всему, непростой жизни.

— Просвети.

— Твёрдов я! Фёдор Степаныч Твердов, между прочим!

— Прекрасно, а я Попов.

— Тфу! — Степаныч машет на меня рукой. — Молодёжь! Не знаете вы героев прошлого, одни супермены да бетмены остались! А я, между прочим, раньше профессиональным спортсменом был! Даже за родину-матушку нашу выступал на международных соревнованиях, снаряд метал. Знаешь, каким сильным и крепким был? — Дед сгибает руку, изображая мускул, и с гордостью хлопает по нему ладонью. — Думаешь, я дряхлый? Да под этой кожей стальной каркас!

— Верю, дед! — Беззлобно хохочу. — Охотно верю! Ну раз такой герой, чего ж холостой-то?

Степаныч мгновенно темнеет лицом, взгляд его гаснет, теряет озорной огонёк.

Глава 13

Алексей.

Он долго молчит, будто слова застревают в горле.

— А я не всегда таким был, Лёшка... Не всегда. У меня, Лёшка, жена была... Маргарита Захаровна. Красавица! Умница! Женщина редкой породы, таких больше не делают. Мы с ней двадцать пять лет прожили душа в душу... — Он делает паузу, пальцы на коленях стискивает так, что белеют костяшки. Смотрит куда-то за окно, далеко-далеко, где тускнеет последний алый луч заката. — Она пятнадцать лет назад ушла. На тот свет, Лёшка. Рак её у меня забрал. Год я боролся, как лев, чтобы её не потерять, а она угасала на глазах. Как свечка догорела...

Поперёк горла ком встаёт. И сердце почему-то колотится сильно и больно, словно я проживаю вместе со Степанычем этот момент.

— И когда её не стало, я, знаешь, будто умер вместе с ней, — тихо и очень спокойно говорит Степаныч. — Всё вокруг вдруг стало серым, ненужным. Внутри пустота образовалась. Наверное, тогда и начались первые поломки. Сердце забарахлило, давление... И всё остальное посыпалось, как домино. Я думал, не выдержу. Ты не представляешь, как тяжело просыпаться, когда рядом больше нет того, ради кого ты жил... Честно признаюсь, за ней хотел. Хорошо, дети остались. Они-то меня и вытянули, не дали совсем пропасть. Сын, дочка... Они затейники те ещё, даже пытались меня как-то с соседкой свести!

— А ты?

— Не моё, — отрезает. — Не смог я, не получилось. Знаешь, казалось — я Маргариту Захаровну предаю, если на кого другого гляну...

— Ну а как же Миледи?

Степаныч снова замолкает, глубоко вздыхая, будто набираясь сил сказать что-то важное.

— А Миледи... Она напомнила мне Маргариту Захаровну мою. Такая же гордая, неприступная. Я ведь сначала гусыней её звал, представляешь? — Смеётся. Взгляд теплеет, словно перед Степанычем разворачиваются во всей красе картинки прошлого. — Не от злости. От обиды звал. Не обращала она на меня внимания никак. А я парнем был горячим, импульсивным, если решил «моё», значит моим и будет. Ох, и намучился я с этой Занозой Захаровной! Ох и намучился! Но ведь своя заноза. Родная. Любимая. — Он быстро проводит ладонью по повлажневшим глазам. Становится серьёзным. — Знаешь, Лёшка, может ты и прав. Может, зря я всё это затеял. Маргарита Захаровна моя смотрит сверху и стыдится меня, старого дурня. Может, не положено мне уже счастье никакое?

— В смысле, я прав? — Вскидываюсь. — Да я тебе обратное твержу! Добивайся! Возраст ерунда! Думаешь, Маргарита Захаровна твоя рада, что ты таблетки жрёшь пачками? Она там, наверху, уверяю тебя, смотрит и молится, чтобы ты снова счастлив был. Не может твоя Маргарита Захаровна тебя осуждать, она же тебя любила. Любящие всегда хотят счастья тем, кого любят. И после смерти тоже.

Степаныч хмурится, о чём-то глубоко размышляя.

Из коридора раздаётся знакомый звон тележки и лёгкие шаги.

— Твоя идёт? — Кивает дед на дверь.

Поджимаю губы.

— Возможно... Да что толку. Сейчас я с ней заговорю, а она снова стену из льда наколдует.

— А ты без всяких фокусов её погулять позови.

— И получу свою сегодняшнюю порцию минералки за шкуру.

Стучат в нашу комнату.

Дед вздыхает с какой-то обречённостью.

— Открывай иди, — машет на меня рукой.

Кряхтя, тащусь к двери. Придерживаю ягодицы, чтобы не отвалились. Кажется, вот-вот Алексей Попов лишится возможности гордо носить свою фамилию.

Распахиваю, и сердце сразу начинает неистово стучать о грудную клетку. Любаша возникает передо мной, строгая и удивительно нежная одновременно.

— Как массаж? — Склоняет голову чуть набок и рассматривает меня, как жертву эксперимента.

— М-да, было супер, — хмыкаю со скепсисом. — Любовь Андреевна, вы вроде говорили, что за честность, а сами солгали про массаж.

Она медленно наливает минералку в стаканчики.

— Должна же я как-то защищать свою территорию от ваших посягательств.

— Позвольте, но сейчас вы на моей территории, — шепчу и многозначительно Любаше моргаю.

Она резко опускает глаза в пол и поспешно убирает носок туфельки, которым переступила порог комнаты.

— Может быть, Любовь Андреевна, я не так уж вам и противен?

— Молодые люди! — Зовёт Степаныч.

Отмахиваюсь.

Залипаю снова в тёплые глаза Любаша.

Словно две кадки, наполненные до краёв мёдом. Кайма — тёмная древесина, внутри — густой янтарь мёда: солнечного, тягучего, вызывающего неутолимое желание нырнуть с головой.

И я, лихач, привыкший выбираться из любых сетей, замираю с ощущением, что я глупая муха, увязшая в липкой ловушке.

— Так что, Любовь Андреевна, — мурлычу, теряя голову, — мириться будем или продолжим бодаться?

— Вы — моя работа, — шурится мстительно. — Мой пациент, если пожелаете. Я не обязана с вами дружить.

— Дружить с вами и в мои планы не входит, — тихо бросаю в ответ.

Глаза у неё округляются в потрясении.

Что, не ожидала такой прямоты?

Но ты ведь любишь честность. Вот и лови от меня пару откровений.

Степаныч опять встречает:

— Молодые люди!

Снова отмахиваюсь.

— Ну что вы как маленькая, Любовь Андреевна? Я ведь вас не обижу. Просто погуляем, поговорим...

— Алексей, я с вами никуда, никогда, ни за что не пойду! И даже если астероид упадёт на нашу планету, и вы останетесь последним мужчиной на Земле, я предпочту отказаться от прогулки с вами!

— Да я тут взвою от тоски! Мне бы о чём-то кроме болячек поговорить, а вокруг одни... — Оборачиваюсь на Степаныча и резко замолкаю.

Дед, ещё пару минут назад рассказывающий мне, какой он «ого-го!» теперь лежит, привалившись к стене. Бледный. Испарина на лбу. Поддрагивающие пальцы пытаются расстегнуть верхние пуговицы рубахи.

— На воздух... — хрипит. — Мне надо... На воздух...

Бросаемся с Любашей к нему, подхватываем с обеих сторон.

— Терпите, Фёдор Степанович, терпите, миленький, — причитает моя Снежная Королева с трепетной тревогой в голосе. — Сейчас мы погуляем...

Дед поворачивается ко мне и заговорщически подмигивает.
Ах ты ж... д'Артаньян!

Глава 14

Люба.

Мы с Алексеем осторожно ведём Степаныча к выходу из корпуса. Наши руки крепко сцеплены в заботливом замке.

Вечер тихий и нежный, дышит теплом и смолой. В парке загораются первые фонари, бросая мягкие жёлтые пятна света на узкие аллеи, припорошенные длинными сосновыми иголками.

— Вот сюда, на скамейку, — просит Степаныч, оседая с тихим стоном. — Сейчас посижу, отдышусь. Воздуха мне надо, воздуха...

Его лицо кажется бледным, и я тревожно ловлю его взгляд — добрый, но от чего-то чуть виноватый.

— Сидите и не двигайтесь, Фёдор Степанович, а я за тонометром сбегая, давление вам надо проверить. Если хуже станет, сразу скорую вызовем.

— Нет-нет, доченька, ничего, получше уже, — спешит успокоить меня. — Вы, молодые, идите лучше прогуляйтесь, мне сейчас воздух нужен, а не медики ваши. Идите, идите...

Он машет рукой с улыбкой, которая кажется мне подозрительно бодрой.

Нахмурившись, разглядываю его повнимательней.

— Вы уверены?

— Абсолютно, — кивает решительно. — Идите, ребятки, не стойте тут надо мной как перберы.

Отхожу чуть в сторону. Алексей, естественно, увязывается за мной как верный, но слишком надоедливый пёс. Разве что хвостиком не виляет.

— Что вы за мной тащитесь, Алексей?

— А как я могу вас одну отпустить? Мало ли что... Маньяки какие.

— Кроме вас ни одного не наблюдаю, — вздыхаю, раздражаясь от его навязчивой опеки. — Да и вообще, люди у нас здесь спокойные.

— А я людям этим вашим не доверяю, — упрямо следует за мной, подстраиваясь под шаг.

Идём молча, погружаясь в густоту вечера. Из кусов стрекочут сверчки, воздух наполнен негромкими звуками лета: далёкий смех и отрывки тихих разговоров, доносящиеся из открытых окон; шорох листвы над головой; пение ночных птиц.

Внутри меня что-то странно трепещет, и я старательно гоню от себя мысль, что виной тому мужчина, шагающий рядом. Этот наглый, самодовольный, столичный пижон. Слишком много он занимает места в моей голове в последнее время.

Мне не нравится, как быстро и легко он проникает в мои мысли.

Ещё и смотрит так, словно видит всё, что я так тщательно пытаюсь спрятать от чужих глаз.

Смотрит, и под этим взглядом во мне словно медленно тает лёд. Как будто всё, что я заморозила внутри себя после того случая, начинает капля за каплей сочиться из сердца.

Это пугает.

Очень пугает.

— Любовь Андреевна, почему вы так несправедливо строги ко мне? — Нарушает тишину Алексей, в своей привычной манере беспардонно заглядывая мне в лицо.

— Вы правда считаете это несправедливым отношением? Вы ведь саботируете санаторный режим. Люди приезжают сюда отдыхать, а вы им покоя не даёте. Если вам здесь плохо, если не по вам такой отдых, зачем вообще приехали?

— А мне, знаете ли, новых ощущений захотелось, — легкомысленно пожимает плечами.

Льняная светлая рубашка натягивается на мускулистых руках, а память услужливо подкидывает тот самый фрагмент, когда я, одним лишь усилием воли заставляющая пальцы не дрожать, пыталась прослушать его лёгкие в кабинете терапевта.

— Да и, Любовь Андреевна, почему сразу саботирую? — Продолжает он. — Я просто добавляю красок в вашу бесцветную санаторную жизнь. Ничего плохого я ведь не делаю.

— Да? А сегодняшняя выходка со змей?

— Ну, это... — Алексей легко и обезоруживающе улыбается. — Безобидная шутка.

Мне не нравится признаваться в этом даже самой себе, но я ловлю себя на том, что и сейчас рассматриваю Алексея украдкой.

Сначала чтобы найти недостатки, чтобы убедить себя в его надменности и поверхностности, но потом словно пытаюсь заглянуть глубже и понять, что из себя представляет этот Алексей Попов, как человек.

Зачем? Зачем тебе это, Люба?

Почему мой взгляд вдруг задерживается на его сильных руках, на том, как он легко и чуть лениво улыбается? И почему от этой улыбки что-то внутри меня тихо и тревожно колыхнется?

— Ладно, я буду с вами предельно откровенен, — продолжает Алексей. — Всё дело в том, что мой престарелый друг очарован одной дамой, и...

Мгновенно понимаю, откуда растут ноги этого перформанса, и поспешно качаю головой.

— О нет, если вы о Нелли Павловне, то даже не пытайтесь.

— Почему это? — Вспыхивают любопытством его глаза.

Медлю.

Стоит ли раскрывать ему хоть какие-то подробности? Ведь эти двое, кажется, настроены решительно, и одному Богу известно, какая гениальная идея по завоеванию дамского сердца озарит их светлые головы завтра.

Сомневаюсь секунду, другую, но внимательный, открытый взгляд Алексея заставляет меня смягчиться.

— Я три года уже здесь работаю, Алексей. И Нелли Павловна приезжает сюда третье лето подряд. А ваш Фёдор Степанович далеко не первый мужчина, обративший на неё внимание. Она женщина очень красивая, статная, но... увы, шансов нет.

— Шансы есть всегда, — уверенно возражает Алексей, вскинув подбородок. — Вы просто не знаете меня.

— Это вы не знаете Нелли Павловну, — качаю головой, не желая развивать эту тему.

— Ну так расскажите. Информация — это как раз то, что мне сейчас необходимо.

Мальчишка.

Озорной мальчишка сидит внутри этого мужчины.

Он раздражает меня своей беспечностью, слишком лёгким, скорее даже легкомысленным отношением к жизни.

Но вместе с тем, почему-то именно рядом с ним чувствуется невесомость, о которой я уже почти забыла.

И это сбивает меня с толку.

С одной стороны, хочется защититься, оттолкнуть, а с другой — задержаться, чтобы продлить это забытое ощущение, когда рядом есть кто-то сильный и уверенный.

Кто-то, кто хотя бы на секунду позволяет почувствовать себя просто женщиной, без груза прошлых разочарований.

— Ладно, — сдаюсь, неглубоко вздохнув. — Я не очень-то много о ней знаю. Некоторые наши постояльцы любят поговорить о себе, но Нелли Павловна не из таких, она женщина скромная и скрытная. Знаю только, что она из очень благородной и состоятельной семьи, корни дворянские. В молодости была вхожа в высшее общество, но после смерти мужа она полностью изолировала себя от старых знакомых, замкнулась и никого к себе не подпускает. Приезжает

сюда каждый год именно потому, что здесь тихо, никто не задаёт лишних вопросов и не берёт старые раны.

Алексей молчит, внимательно слушает и явно что-то мысленно фиксирует.

— Алексей, прошу вас, не превращайте всё это в фарс. Если людям суждено быть вместе, ничто не сможет этому помешать. А если не суждено — никакие ухищрения не помогут.

— А я не слишком-то верю в судьбу, Любовь Андреевна, — прищурившись, окидывает меня лукавым взглядом. — Предпочитаю брать всё в свои руки. Ладно, с Нелли Павловной мы разберёмся, но... С вами-то что не так?

Сердце пропускает удар, а затем ускоряет ритм.

Глава 15

Люба.

— Что со мной не так?

— Ну, вы тоже вся такая загадочная и таинственная. Никого к себе не подпускаете. Что с вами случилось, Любовь Андреевна? Кто вас обидел?

От его вопроса становится неуютно и больно, будто надавили на свежий синяк внутри меня.

Резко отвожу взгляд.

Чёрной тучей разрастается раздражение над нашими головами.

— Не говорите глупостей, Алексей, никто меня не обижал. Просто вы привыкли, что женщинам достаточно на вас взглянуть, чтобы пасть к вашим ногам. Но есть и те, кто предпочитает гордо держать спину прямой, — с отчётливым холодком цежу.

— Это я уже заметил. Но я не об этом. Я про боль, про ту рану, которая заставляет вас отталкивать всех вокруг.

По позвоночнику медленно ползут мурашки.

Снова молчу, отчаянно стараясь не выдать себя, не показать, как близко он подошёл к правде.

— Давайте договоримся, — продолжает Алексей негромко. — Вы можете держать спину прямо сколько захотите, а я буду рядом, чтобы любоваться вашим гордым станом. Просто рядом. Никаких игр, никаких ловушек. Идёт?

— Звучит подозрительно. И даже, я бы сказала, коварно.

— Да что вы! Просто перемирие. Без всякого подвоха. Хотя бы на один день.

Мы идём дальше по аллее.

Самое страшное в этом мужчине даже не то, как он действует, и не то, как умело пробирается сквозь мою защиту. Самое страшное — то, как он снова заставляет меня чувствовать себя женщиной. Как от одного его взгляда просыпается нечто очень давно забытое, сладко-тревожное, настоящее.

Что-то глубоко женское, живое, трепещущее.

И я не знаю, хватит ли у меня сил сопротивляться этому чувству, или я уже снова на краю обрыва, готовая упасть в неизведанное.

Но почему-то вдруг легко дышать становится.

Напряжение внутри немного ослабевает.

В тёплом воздухе парка, среди стрекота сверчков, мой собственный голос звучит непривычно мягко:

— На один день, Алексей. Однако если вы подорвёте моё доверие...

— О, бросьте, угрожать будете? Не выйдет, Любовь Андреевна, я записан на ежедневный массаж к местной женщине-викингу. Поверьте, хуже вы мне уже не сделаете.

Кусая губы, прячу улыбку.

— Шутник, — фыркаю.

— Нет, это не смешно. А хотите по-настоящему смешной случай из жизни?

— Если я откажусь, вы ведь всё равно расскажете?

Ватанабэ явно в шоке, вся делегация потрясённо молчит, а я стою босиком в носках-ананасах, с рыба капает на мраморный и благоухает-е-ет... Мама не горюй! Я не растерялся и выдал, что это максимально свежий актив компании! Ватанабэ рассмеялся так, что покраснел: оказалось, у них «принести тай босиком» — старая шутка про дерзких торговцев периода Эдо. Лёд мгновенно растаял, контракт мы подписали, а про мои носки весь офис Осаки вспоминает до сих пор. — Естественно! — Алексей закатывает глаза. — В общем так, дело было в Япо-

нии. Встречался я с потенциальным партнёром, весьма важным господином из Осаки. Думал произвести впечатление знанием местных традиций, и перед встречей отправил ассистента в сувенирную лавку за табличками с иероглифами «Сила» и «Удача». Я планировал вручить ему презент перед переговорами, подготовить почву, так сказать. Лавочница завернула подарок в рисовую бумагу и строго предупредила ассистента, что для полноты ритуала нужно снять обувь, поклониться дважды и лишь потом вручить сувенир. Я всё запомнил... вроде бы. В машине чую — таблички странный запах источают. Приходим в переговорную. Господин Ватанабэ стоит в безупречном костюме, за ним вся делегация чинно замерла. Я, значит, под ошалевшими взглядами решительно стягиваю дорогие итальянские туфли. Носки, разумеется, с яркими ананасами. Кланяюсь раз... Кланяюсь два... и вручаю свёрток. Только вот в бумаге вместо табличек почему-то оказалась рыбина Тай. Рыба оказалась весьма ароматной и слегка липкой.

На этот раз улыбку сдержать не получается. Образ Алексея, застывшего с рыбой в руках среди шикарного офиса грозного Ватанабэ, слишком ярко вырисовывается в голове.

Сначала я просто улыбаюсь, потом хихикаю сдавленно. Потом, согнувшись пополам, хохочу.

Кажется, так свободно я не смеялась уже целую вечность.

— Ну вот, не так уж я бесполезен, Любовь Андреевна, — он внимательно и серьёзно рассматривает меня. — У вас красивая улыбка. Очень. Чаше бы так.

Внутри тихо что-то отзывается, от его слов становится тепло, и странная, чуть тревожная радость расходится по телу волнами.

Снова краем глаза смотрю на него — на то, как уверенно он идёт, на широкие плечи, на силуэт, чётко очерченный мягким светом фонарей.

Да, от такого мужчины очень сложно отвести взгляд.

Настолько сложно, что я не замечаю небольшую неровность на дорожке и, оступившись, теряю равновесие.

Алексей реагирует мгновенно — его сильные руки подхватывают меня за талию, аккуратно и бережно притягивая к себе.

Сердце делает какой-то совершенно неестественный скачок.

Медленно поднимаю голову, встречаясь взглядом с его глазами, тёмными и внимательными.

Его тёплое дыхание щекает мою щёку. От его ладоней, крепко прижимающих меня за поясницу, разбегаются крохотные разряды тока.

Алексей очень осторожно проводит пальцем по спинке моего носа.

— У вас невероятно красивый носик, Любовь Андреевна...

Кожа на лице горит!

— Греческие корни. Я обязана передать его детям. То есть... — Лепечу бессвязную ерунду. — То есть, нет... То есть, это Ленка так думает... А я не думаю... А я вообще... Нос как нос...

Господи, Люба, что ты несёшь?!

Заткнись уже, заткнись!

Зажмуриваюсь, лелея внутри себя одно единственное желание — провалиться сквозь эту чёртову землю здесь и сейчас!

Улыбка Алексея становится совсем уж лукавой, но он не пытается приблизиться. Наоборот, аккуратно ослабляет хватку и отступает на полшага назад, убедившись, что я крепко стою на ногах.

Мы всё ещё стоим очень близко.

Слишком близко.

И в сгущающихся сумерках я разглядываю его лицо. Линия подбородка, чётко очерченная, мужественная и удивительно притягательная, лёгкая щетина на скулах, глубина его взгляда, таящая в себе что-то загадочное и манящее...

Сколько бы я ни пыталась убедить себя в обратном, этот мужчина, стоящий сейчас рядом, притягивает меня невероятно сильно.

Настолько сильно, что дыхание перехватывает, а сердце бьётся, как обезумевшее.

В кармане его брюк громко звенит телефон. Уведомления приходят одно за другим, отчего я вздрагиваю, мгновенно возвращаясь в реальность.

— Ого, интернет? — Удивлённо вскидывает брови Алексей, вытаскивает телефон из кармана и разблокирует экран.

— Да, в этой части парка он...

Но Алексей уже прикладывает трубку к уху и отступает.

— Прошу прощения, Любовь Андреевна, я буквально на минуту. У меня тут очень важный контракт на носу, отдам пару распоряжений, пока на связи. Я быстро.

Он уходит чуть в сторону, негромко и быстро говорит что-то по телефону, а я провожаю его взглядом, чувствуя странное и неожиданное сожаление.

Вечерний воздух постепенно охлаждает мои покрасневшие щеки. И затуманенный разум наконец проясняется.

Дура ты, Люба!

Разворачиваюсь и, пока Алексей занят беседой, тихонько ухожу...

Глава 16

Алексей.

— ...Да-да, понимаю, Владислав, к сожалению, сейчас я редко бываю на связи, решил устроить себе небольшую передышку, — лениво приваливаюсь к стволу сосны плечом. — Но мы по-прежнему можем решать все вопросы через моего ассистента, Григорий компетентный специалист и в курсе всех дел компании.

На другом конце трубки слышится сдержанный смешок: вежливый, сухой, с тонким прикусом превосходства.

Не нравится мне тип этот, откровенно говоря. Скользкий.

Но для меня он сейчас — билет на новый рынок, плюс жирная строчка в отчёте для совета директоров.

— Ассистент — это прекрасно, Алексей, но хотелось бы видеть и вашу личную заинтересованность в проекте. Контракт, знаете ли, не мелкий.

— Поверьте, моя заинтересованность максимальна, но увы, вернуться в столицу пока не получится, — улыбаюсь я, незаметно для собеседника разминая ноющие мышцы. — У меня тут санаторный отдых и курс пыточного массажа на две недели вперёд. Боюсь, даже если очень захочу, вырваться не смогу. «Звезда Зауралья» крепко держит своих постояльцев. Опасаюсь, что, если сбегу раньше времени, моя массажистка сядет в танк и отправится на мои поиски.

В трубке снова смешок — на этот раз уже чуть теплее и искреннее.

— Звезда Зауралья, значит, — произносит Торопов с неожиданной заинтересованностью. — А знаете, пожалуй, в нашем случае Магомед вполне может сам отправиться к горе.

— В смысле, вы? Сюда? — не скрываю удивления.

— А почему нет? Контракт планируется солидный, деньги на кону серьёзные. Да и экстремальное лечение мне сейчас очень кстати. Приеду и обсудим всё, как подобает взрослым мальчикам: с глаза на глаз.

Усмехаюсь, представляя этого хладнокровного сибирского нефтебарона в местной столовой.

— Ну и прекрасно. Так я сделки ещё не заключал, но, кажется, это даже лучше. Приезжайте, Владислав. Буду ждать.

Завершаю звонок и убираю телефон в карман.

Оглядываюсь, ожидая увидеть Любашу, но вокруг лишь пустая аллея, тишина и ровный свет фонарей. Лёгкая досада щиплет меня за край сознания — ушла, исчезла, растворилась в сумерках.

Что ж, значит, всё прошло идеально: Снежная королева получила дозу эмоционального контраста и сейчас наверняка прокручивает в голове сцену нашей почти-близости.

Улыбаюсь сам себе и, бодро насвистывая весёлую мелодию, направляюсь по аллее назад, обратно к скамейке, где мы оставили Степаныча.

Степаныч встречает меня угрюмым взглядом.

— Чего ты смотришь так, дед?

— А ну, ходь сюды, — ладонью подзывает меня ближе.

— Чего?

— Ещё ближе.

Делаю ещё шаг.

— Наклонись-ка, — прищурившись, просит Степаныч.

Закатываю глаза с раздражением, однако выполняю просьбу — чуть подаюсь вперёд.

Умирающий лебедь мгновенно исчезает, и теперь передо мной возникает дед-вулкан: вспыхнул, задымился, и лавой его негодование льётся прямиком мне на голову.

— Шалопай! — Вцепляется Степаныч в моё ухо и тянет на себя.

— Ай! Ты что, дед, с ума сошёл? Больно же! — Безуспешно пытаюсь освободиться из неожиданно стальной хватки пенсионера.

— Это что такое, Лёшка? Я тут, значит, спектакль устраиваю, ветошью старой прикидываюсь, за сердце хватаюсь, чтобы ты мог свою даму на прогулку вытащить, а ты что? Лясы точишь по телефону! — Серdito выговаривает Степаныч, выкручивая моё ухо ещё сильнее.

— Да отпусти, дед! Ай-ай-ай! Честное слово, у меня всё под контролем!

— Под контролем! — Зло передразнивает, но отпускает.

Шиплю, растирая пылающее ухо. Опасливо отхожу на пару шагов в сторону.

Меня что, словно сорванца сейчас отчитали?!

Как низко ты пал, Попов!

— Я просто чуть скорректировал план, поменял шаги местами. Нельзя сейчас нахрапом идти, понимаешь? Нужен стратегический манёвр. Отвержение предмета симпатии — очень важный этап! Теперь Снежная королева будет всю ночь ворочаться и думать, почему я предпочёл телефон общению с ней.

Степаныч смотрит на меня с плохо скрываемым неодобрением.

— Тьфу! Дурак ты, Лёшка, — качает головой грустно и устало. — Женское сердце хрупкое. С ним аккуратно надо, а ты как с игрушкой!

— Слушай, мы ведь с тобой поспорили, что сердечко Снежной королевы будет моим? Оно и будет.

— Не спорил я с тобой! — Отмахивается Степаныч и, что-то сердито бурча себе под нос, направляется к корпусу.

Медленно иду следом, погружённый в мысли.

Взгляд невольно задерживается на небольшом двухэтажном корпусе, в окнах которого горит мягкий, тёплый свет. В одном из окон мелькает силуэт — тонкий, стройный и такой гордый.

Свет гаснет почти сразу же, и почему-то в груди становится беспокойно.

Делаю вдох, вбирая чуть сыроватый вечерний воздух, наполненный запахом хвои и земли.

Возле двери корпуса на мгновение останавливаюсь, ещё раз бросаю взгляд на тёмное окно.

Почему-то очень чётко представляю, как Люба поправляет волосы, ложится в постель и натягивает одеяло до самого подбородка, словно маленькая девочка, страшась монстров. Как она, серьёзная, немного растерянная и лишённая привычной защитной маски, вглядывается в кривые тени ветвей, ползающие по стенам.

И меня вдруг отчаянно не устраивает мысль о том, что она проворочается пол ночи без сна сегодня.

Пытаюсь встряхнуться.

Не привык я грустить из-за женщины.

Стратегию строить — да, голову греть — нет.

В номере Степаныч уже готовится ко сну, аккуратно развешивая пёструю рубаху на металлическом изножье кровати. Быстрым взглядом окидывает свой стратегический запас таблеток. Ворчит что-то негромко, неодобрительно поглядывая на меня.

— Буйный ты, Попов. А в глазах всё одно: про неё думаешь.

— Попался, что ли? — Не скрываю улыбки.

— Попался.

Смеётся тихо. А через мгновение уже укрывается пледом и притворно посапывает.

Не верю ни на грамм.

Валюсь на постель, закидываю руки за голову. Вспоминаю, какой тонкой и нежной в моих руках была Люба. И как пахли её волосы. И носик её... Греческий.

Красивый, да.

Мне очень-очень хочется, чтобы она спала сегодня спокойно. Пусть не думает. Пусть не ворочается, как буду ворочаться я.

— Да не вздыхай ты так! — Пыхтит на меня Степаныч раздражённо.

Переворачиваюсь на бок.

— Дед, а хочешь я тебе про Миледи расскажу? Ну, слушай...

Глава 17

Алексей.

Открываю глаза и в первую секунду не верю собственному телу...

Я жив.

Более того, я словно ожил в совершенно новом, прокачанном формате.

Нет, конечно, язык не поворачивается сказать, что ничего не болит, однако чувствую себя так, словно кто-то всю ночь старательно перекладывал мои позвонки, собирал по кусочкам и аккуратно приклеивал обратно туда, где им положено быть анатомически.

И теперь спина послушно подчиняется, а мышцы рук и ног ноют сладко, будто я провёл ночь в спортивном зале, а не час под беспощадным катком Зои Егоровны.

В теле просыпается задорная, богатырская удаль. Кажется, хватит сил разломить надвое камень, завязать Тугарина узлом, а Горынычу пересчитать чешуйки. И это только для разминки!

Из ванной выходит Степаныч, влажным полотенцем растирает покрасневшее лицо. С подозрением хмурится, глядя на мою счастливую морду.

— Чего довольный такой с утра пораньше?

— Дед, я прозрел! Познал всю мощь богатырскую массажа живородящего! — Сообщаю торжественно. — Теперь понимаю, ради чего было страдать. Слушай, тебе обязательно нужно сходить!

Степаныч морщится и машет полотенцем в мою сторону.

— Чтобы меня там на кусочки порубили за мои же кровные? Нет уж, увольте.

— Да ты подумай! Ты лечиться приехал или как? Если твоей еврейской душе легче будет, иди за мои кровные. Я угощаю.

— И что, будешь платить, чтобы меня мучили?

— Считаю, это плата за обмен опытом.

— Каким ещё опытом?

— Поколений! Я делюсь с тобой самыми передовыми любовно-научными разработками, а ты...всякими...древними секретами периода палеозоя.

Хохочу, довольный собственной шуткой.

Степаныч хмуро ворчит, бормочет что-то вроде «балбес», но беззлобно и даже умиленно.

Нравится этот старикашка мне! Честно, нравится!

Если Миледи д'Артаньяна отвергнет, я, пожалуй, увезу его с собой в столицу и посажу в совет директоров. Пускай он мне там изнеженных щеглов да пигалиц строит по армейской стойке «смирно».

На завтрак иду в приподнятом настроением.

Солнце светит необыкновенно ярко, в груди топится печь оптимизма, и я непроизвольно подмигиваю проходящим мимо бабушкам. Те в ответ улыбаются и смущённо опускают глазки.

В столовой обычная суэта, бренчание посуды и неторопливые разговоры. У стойки с подносами разбросаны яркие флаеры, оповещающие равнодушную публику о том, что сегодня вечером за главным корпусом пройдёт дискотека невиданных доселе масштабов.

Танцы!

Нет, не просто танцы, а танцы в стиле диско и с едкими вайбами горячих 80-х!

«Блестящее трико приветствуется» — гласит скромная приписка в уголке.

Идти я туда, конечно же, не собираюсь, однако стаскиваю один флаер и прячу в карман брюк. На всякий пожарный... Вдруг миру срочно понадобится Алексей Попов в образе советского Майкла Джексона.

На раздаче щедро нагребая на поднос булочки, безвкусно-бесцветный омлет и две пиалки малинового джема. Усаживаюсь за стол к Степанычу, радостно растираю ладони в предвкушении.

Чёрт, кофе забыл!

Отправляюсь обратно к раздаче, чтобы набрать эту отвратительную бурду, которую тут величают бодрящим напитком.

Утренний «кофе» здесь действительно... Умопомрачителен. Оттенки отработанного моторного масла, аромат жжёной резины и послевкусие дорожной пыли.

Иду обратно к столу и вижу сцену, достойную криминальной хроники: миниатюрная бабуля в бордовом кардигане проворно хватает обе мои пиалки с джемом, прячет под свитер и, воровато оглянувшись, ретируется.

— Эй! — возмущённо кричу вслед похитительнице.

Бабуля, пригнувшись, летит на шокирующей скорости.

Украли варенье у миллиардера...

Слегка обескураженный сажусь за стол.

— Что это вообще было?

Степаныч флегматично пожимает плечами.

— А, это панкреатитные. У них диета номер пять, строгая. Бедолаги терпят, терпят, а потом...

Качаю головой, принимая и укладывая в ней новую информацию о суровых законах жизни в санатории.

Медленно жую безвкусный омлет, когда Степаныч вдруг тычет меня локтем.

— Ромео, вон и твоя идёт!

Оборачиваюсь.

И сразу всё вокруг переходит в режим замедленной съёмки.

Любаша медленно шагает к раздаче, словно идёт по красной ковровой дорожке Каннского фестиваля. Белый халат поверх аккуратного платья цвета сирени, волосы собраны в аккуратный пучок, на шее — тонкий шёлковый шарфик, подчёркивающий изящную линию ключиц и тонких плеч.

Непроизвольно перестаю жевать и буквально уговариваю себя: «Лёша, не дергайся, ты же знаешь, как важно сейчас продержаться. Играй до конца. Игнорируй, будь равнодушен...»

Но равнодушие моё длится недолго. Всего через секунду я уже вскакиваю со стула с громогласным воплем:

— Любовь Андреевна!

Мне кажется, или Любаша чуть закатывает глаза при виде меня?

Да, я умею быть крайне навязчивым, когда хочу.

Подбегаю.

Люба поджимает губы и смотрит на меня сурово, а я в ответ пытливо вглядываюсь в её лицо. С неудовольствием отмечаю тени усталости под её прекрасными глазами, и чуть впалые, заострившиеся скулы.

Значит, не спала...

Чувствую горячую вину за вчерашний манёвр.

— Доброе утро, Любовь Андреевна.

— Алексей, дайте мне спокойно позавтракать, — без особого энтузиазма.

Забираю её поднос, ставлю на него пиалку с джемом.

— Ну что вы сразу хмуритесь? Вот, сахарку вам. Для мозга полезно.

— Это вам нужно сахарку для мозга, — парирует Люба.

— И вот вы опять кусаетесь. А как же наше перемирие? Мы вроде с вами вчера договорились.

— То было вчера. Сегодня уже — не вчера.

— Какое глубокомысленное замечание, Любовь Андреевна, однако я вынужден не согласиться. Мы заключили перемирие на день, а значит, выше благосклонное ко мне отношение должно кончиться лишь сегодня вечером.

— Алексей, — Любаша цоклет языком. Тянет руку со стаканом к кофейнику, однако останавливается в последний момент и выбирает чай. — Я ещё раз прошу вас дать мне спокойно позавтракать.

— Да кто ж вам не даёт? — Забираю стакан, ставлю на поднос и тащу к столику, за которым она обычно со своей Леночкой трапезничает.

Любаша садится.

— Любовь Андреевна, на дискотеку пойдёте сегодня вечером?

— Ни в коем случае, — отрезает она, но уже совсем не сердито. И даже улыбка намечается в уголках её красивых губ.

Каждую редкую её улыбку мозг сохраняет в разрешении 8К. Чем-то похоже на коллекционирование марок: рассматривать, выравнивать, складывать в альбом, ни одной не упуская.

Забавно наблюдать, как день за днём моя Снежная королева чуть-чуть теряет градусы. Вчера была арктической станцией «Восток», сегодня — паб в Рейкьявике в апреле. Дай срок — и растает до тёплого карельского озера.

А там и искупаться можно...

— Ну... Как знаете, — не настаиваю и возвращаюсь за свой стол. Заговорщически тянусь к Степанычу. — Дед, доёдывай скорей.

— Чего это?

— Мы едем в город.

— Зачем это?

— Во-первых, Снежная Королева остро нуждается в кофе. Во-вторых, нам нужно экипироваться.

— Как это?!

— Мы с тобой сегодня будем королями танцпола! — Припечатываю к столу яркий флаер.

Дискотека 80-х в санатории звучит, конечно, как заголовок трэш-фильма, но я готов рискнуть.

Если Лёша Попов не может закружить женщину словами, придётся кружить её в буквальном смысле.

Главное, чтобы Зоя Егоровна потом собрала мои кости...

Глава 18

Алексей.

Чуть прихрамывая на правую ногу после очередной экзекуции Зои Егоровны, наворачиваю круги по комнате. Пытаюсь вернуть телу хоть маломальскую подвижность.

Степаныч наблюдает за моими метаниями и с тоской качает головой.

— Отчаянный ты, Лёшка. Зачем ходишь туда? Она ж тебя из человека в фарш перемалывает.

— Потому что не хочу перед глазами Любаши посрамить богатырскую натуру свою. Назначили массаж каждый день, значит, каждый день страдать буду. Тем более, это только вечером плохо, а утром очень даже наоборот.

— Ну-ну, — вздыхает дед. — Дело твоё, конечно.

Останавливаюсь у окна, подставляю лицо оранжево-розовому закату, который не спеша разливается по верхушкам сосен.

Вечер сегодня обещает быть прекрасным.

— Степаныч, а ты чего расселся?

— А чего?

— Одевайся давай, иначе мы с тобой всё веселье пропустим.

— Может, не надо, Лёшка? — С сомнением косится на ворох одежды, разбросанный на кровати.

— Надо, дед, надо!

Вздыхает, но покорно из кучи тряпья вытягивает рубашку с дикими тропическими попугаями на кислотно-зелёном фоне и бордовые брюки-клёш, которые мы купили ему сегодня в городе. Смотрит на всё это богатство с выражением абсолютного ужаса в глазах.

— Прости ты меня, Маргарита Захаровна, — воздаёт взгляд к потолку. — Это не я придумал, клянусь.

— Иди уже, — командую и сам подхожу к зеркалу.

На мне уже красуется рубашка насыщенно-бирюзового цвета с принтом из крупных «огурцов», золотистые брюки-дудочки и лаковые ботинки цвета варёной сгущёнки.

Мать моя женщина, да я просто король диско!

Делаю пару фоток, чтобы отправить потом друзьям. Пусть хоть поржут.

Через пару минут из ванной выходит Степаныч и останавливается в дверях, разводит руки в стороны и мрачно оглядывает прикид.

— Ну вот, ты только взгляни на себя! — Горланю восторженно. — Слушай, ты мне кого-то в этом образе напоминаешь. Кого?

— Сутенёра? — Обречённо подсказывает дед.

— Степаныч, ничего ты не понимаешь в колбасных обрезках! — Хватаю барсетку с припрятанными для сегодняшнего вечера фейерверками и открываю дверь. — Пойдём, прекрасные дамы нас уже заждались.

Дед бредёт за мной в коридор, продолжая что-то бурчать себе под нос.

— А если Миледи не придёт на дискотеку?

— Значит, мы с дискотекой придём к ней. Так что в её интересах явиться. Она придёт, ты её схватишь и закрутишь в танце.

— В каком ещё танце, Лёшка? Я ж не плясал со времён перестройки!

Выходим к дверям главного корпуса. Из приоткрытого окна льётся музыка — до боли знакомый бит восьмидесятых.

Раскорячившись эпично под «Белую ночь» группы Форум, дёргаю руками в такт музыке.

— А я тебя сейчас научу. Смотри, дед, вот так берёшь, и вот так, вот так!

Степаныч, скептически сдвинув кустистые брови, качает головой, как строгий экзаменатор на выпускном экзамене.

А я, не обращая внимания на его язвительные взгляды, продолжаю дергаться: руки вверх, ноги в стороны, бедра вперёд-назад, будто пытаюсь одновременно завести сломанный мотоцикл и сбить с себя рой диких пчёл.

— Ты чего дрыгаешься, окаянный, будто тебя током шарахнуло?

— Я танцую. Это называется пластика, Степаныч! — Лихо дёргаю плечами и резко выбрасываю руки в разные стороны. — Чувствуешь ритм? Вот так... И-и-и так... чувствуешь? — Я чувствую беспокойство, — хмыкает дед, отступая на пару шагов, словно боясь заразиться моим буйством, — что кто-нибудь увидит тебя и вызовет санитаров. Лёша, остановись, побереги себя для будущих поколений!

Я не сдаюсь, приплясываю, бодро подскакивая на носочках и хлопая себя по бокам, словно пингвин, пытающийся взлететь.

— Ну что, дед, включайся! Давай-давай, расслабься! Вот так ещё руками делай, как будто лампочку вкручиваешь, потом вот так — как будто лужу перепрыгиваешь...

Делаю драматичную паузу, застыв в не самой удобной позе.

— Танец — это состояние души! Моя душа хочет диско!

— Душа у тебя, Лёшка... душевно больная.

Смеюсь и бросаюсь в новый виток импровизации.

— Учись, Степаныч, сегодня ночью будем звездами танцпола!

Дед делает вид, что готов провалиться сквозь землю, чтобы только не видеть это безобразие, а я всё кручу и верчу руками и ногами, гордо демонстрируя, что даже без пластики можно зажечь — главное, чтобы никто из знакомых не видел.

— Всё, стоп! Стоп! — Машет на меня Степаныч. — Нет, Алексей! Нет! На дискотеках никто так не танцует!

Возмущённо упираю руки в бока.

— И давно ты был на дискотеках, эксперт? — Пытаюсь отдышаться.

— Давно, — с достоинством задирает нос вверх. — Однако я ещё помню, как выглядят настоящие танцы. А это ваше современное дрыганье ничего общего с искусством не имеет!

— Ну-ка, продемонстрируй, как нужно! — Бросаю ему с вызовом.

Степаныч неожиданно оживает, расправляет плечи, чуть наклоняется вперёд и выдаёт танец, который заставляет мою челюсть отвиснуть.

Он двигается лихо, задорно, энергично. Ступни отстукивают чёткий ритм, руки выплывают идеальные восьмёрки, плечи ходят, будто на шарнирах.

Взгляд горит, улыбка такая, будто дед скинул лет пятьдесят одним лишь движением артритных конечностей.

— Дед, да ты огонь! — Хлопаю в ладоши и пытаюсь повторить замысловатые движения. — Красавчик, просто красавчик! Миледи твоя растает, как эскимо на солнце!

Степаныч останавливается. Тяжело дышит.

— И что... Думаешь... Фух... Думаешь, я ей джигу-дрыгу спляшу, и она тут же влюбится?

— Ну почему сразу джигу-дрыгу? Ты её на медлячок пригласишь.

Степаныч делается мрачней грозовой тучи.

— А вот с медляками, Лёшка, беда. Я их последний раз танцевал, когда тебя ещё даже в проекте не было.

— Да чего там уметь? Хватаешь свою даму сердца, прижимаешь её к себе покрепче и ведёшь в танце, стараясь не оттоптать ноги. Вот и всё!

— Легко тебе говорить, — ворчит дед.

— Отставить нытьё! Сейчас я тебя научу, — решительно протягиваю ему руку. — Давай порепетируем, пока музыка подходящая играет.

Степаныч сначала смотрит подозрительно, но потом покорно берёт меня за руку. Я ставлю его ладонь на своё плечо, сам кладу руку ему на пояс. Веду в странном, нелепом танце, показывая, как правильно переставлять ноги.

— Вот так, всё правильно ты делаешь. Да. А потом смотришь ей прямо в глаза... В глаза, Степаныч, мне смотри! И говоришь: «Звезда очей моих, очарование ваше затмевает свет Луны и звёзд, и я на всё готов, чтобы этот вечер не кончался». Уяснил?

— Кажись, уяснил.

— А ну повтори.

— Звезда... Звезда очей моих, очарование ваше затмевает свет Луны...

И именно в этот момент слышится громкое прокашливание от дверей.

Мы резко поворачиваемся.

Миледи, высоко задрав тонкую бровь, медленно качает головой.

— Ну, молодые люди... Знаете ли!

Развернувшись на каблучках, она стремительно удаляется, оставляя нас со Степанычем в комичной ситуации, застывшими в объятиях друг друга, словно в самом нелепом романтическом фильме на свете.

Отскакиваем друг от друга, как ошпаренные.

— Ну всё, Лёшка, теперь точно конец. Убил ты мою репутацию.

Сгибаюсь пополам от смеха.

— Дед, да всё пучком! Дискотека ещё даже не началась, а мы уже произвели фурор!

— Тфу ты! — Выходит на улицу.

Глава 19

Люба.

Закрываю окно в своей комнате — музыка мешает.

Дискотеки здесь устраивают не часто, не чаще раза в месяц. Но никогда я эти мероприятия не посещаю.

Во-первых, не с кем мне отплясывать на этих дискотеках. Во-вторых, даже если бы и было с кем, не моё это. Не люблю я такое. Даже во времена юности в ночные клубы с девчонками не бегала — всегда чувствовала себя там немного неловко. Я чужая в окружении тех, кто смеётся, танцует и живёт легко.

Даже через плотно закрытое окно музыка проникает в комнату, нервируя.

Алексей-то наверняка там. И Ленка, должно быть, тоже.

Она обычно танцы не пропускает, отжигает со стариками.

Присаживаюсь за стол, бросаю взгляд на мусорную корзину, из которой бесцеремонно торчит букет алых роз.

Очередной «подарок» от моего чудовища.

Опять прислали, почти насильно всунули в руки, будто насмехаясь над моим бессилием.

Цветы, конечно, не виноваты в том, что теперь вызывают лишь отвращение, но видеть их больше не могу.

Их аромат — липкий и удушливый — словно въелся в кожу и в душу.

Дурацкие красные розы.

Зато букетик, подаренный Алексеем, стоит возле рабочего ноутбука, радует глаза незатейливостью и почти целомудренной нежностью.

В дверь настойчиво стучат.

Вздрагиваю и иду открывать, хотя уже заранее злюсь на того, кто стоит за ней.

Открываю.

— Добрый вечер, Любовь Андреевна, — улыбается Алексей и отвечает галантный поклон.

На нём яркая бирюзовая рубашка и брюки-дудочки, а чёлка игриво зачёсана чуть набок. Выглядит он настолько комично и при этом привлекательно, что я едва сдерживаю улыбку. Он словно выпал из машины времени прямо на порог моей комнаты.

Выглядываю в узкую щель приоткрытой двери.

— Алексей, что вы хотели?

— Как что? На танцы вас позвать. Там, вообще-то, дискотека в самом разгаре.

— Спасибо, но я дала вам вполне однозначный ответ сегодня за завтраком. Я не посещаю подобные мероприятия.

— Так вы их не посещали, потому что меня там не было, — парирует с нахальной улыбкой. — А теперь я есть, и грех нам с вами костями не погреть.

— Благодарю за заманчивое предложение, но вынуждена отказаться. Я лучше лягу спать пораньше.

— Как же вы ляжете спать? Мы там так шумим!

— Ничего страшного, к неудобствам я привыкла, — тороплюсь захлопнуть дверь, но Алексей быстро подставляет в щель носок ботинка, блокируя мою попытку

— Любовь Андреевна, что же вы так жестоки ко мне? Я посмотрите, как оделся, для вас старался. Думаете, не для вас? Для кого тогда? Для бабушек с панкреатитом?

— Алексей, я не пойду на дискотеку, — повторяю терпеливо.

— Хорошо, тогда придётся дискотеке прийти к вам. Любовь Андреевна, вы же наверняка уже поняли, что я из себя представляю. Либо сейчас я раздобуду огромную колонку и установлю прямо у вашей постели, либо вы идёте со мной на танцы.

— Это шантаж и манипуляция!

— Верно, — кивает невозмутимо. — И это мои любимые методы. Я, знаете ли, чертовски хорош в шантаже и манипуляциях.

Чувствую, что колеблюсь и сдаю позиции.

Он ведь реально способен колонку притащить, я знаю. И у меня даже не возникает вопроса, откуда он её возьмёт. Откуда-нибудь возьмёт. Из своего клоунского рукава достанет, предположим.

Но нет, сдаюсь я не только потому, что боюсь его угроз мешать моему сну.

Я, кажется, действительно хочу пойти.

— Ладно, я пойду на дискотеку. Но не с вами. Одна.

— Прекрасно. Я тоже один. И мы просто будем держаться поблизости.

— Ногу уберите, переодеться надо.

— Я могу рядом постоять, буду охранять вашу честь и достоинство.

— В своей комнате я не нуждаюсь в охране, — говорю я с вызовом и вдруг осекаюсь, чувствуя, что фраза звучит лукаво.

Потому что, когда Алексей рядом, я не чувствую себя в безопасности даже за закрытой дверью собственной комнаты.

Его взгляд слишком плотоядный, слишком хищный.

Нет, нельзя ему доверять...

Алексей, наконец, позволяет закрыть дверь, и я, захлопнув её перед его носом, прислоняюсь спиной. Дышу глубоко и прерывисто.

Почему так бешено колотится сердце?

Достаю первое попавшееся платье из шкафа: бирюзово-голубое, лёгкое, неожиданно яркое для меня.

Ну и пусть.

Выскальзываю из комнаты.

— Готовы?

— Да, — делаю шаг. — Ой, сумочку забыла!

Разворачиваюсь обратно.

Алексей безапелляционно следует за мной, вторгаясь в личное пространство. Осматривается.

— Почему вы живёте здесь?

— А где мне ещё жить? — Раздражённо отвечаю, копаясь в шкафу в поисках подходящей сумочки.

— Ну не знаю... в городе?

— Мне здесь удобно. На работу не нужно ездить. Друзей в городе всё равно нет. Да и вообще, Алексей, не ваше это дело.

Его взгляд падает на торчащий из мусорки букет роз.

Он поджигает губы, взгляд становится серьёзным и цепким.

— Снова цветы?

— М? Да, это просто...

— Кто же за вами так настойчиво ухаживает?

— И это тоже, Алексей, не ваше дело!

— А вы его ухаживания не принимаете, так? — С каким-то странным удовлетворением в голосе.

— С чего вы это взяли?

— Ну, знаете, обычно если женщина принимает ухаживания мужчины, она ставит цветы от него в вазу, а не в мусорку.

Гениально.

— Какая дедукция, Алексей, — холодно фыркаю. — В вас явно умер великий сыщик. Идёмте уже.

Вываливаемся из комнаты.

Глава 20

Люба.

— И всё-таки, кто он? — Спрашивает Алексей, когда мы топает синхронно по каменной кладке между корпусами.

— Я не собираюсь обсуждать с вами свою личную жизнь.

— А я всё равно узнаю.

— Интересно, как же?

— Как-нибудь. Всё тайное становится явным.

— Это не совсем применимо к данной ситуации.

— Конечно применимо! Знаете, как ещё говорят? Кто ищет, тот всегда найдёт.

— Вы, смотрю, специалист в поговорках.

— Обожаю их! Знаете, как говорят? Всё или ещё больше.

— Нет, эта поговорка звучит как «всё или ничего».

— Варианта «ничего» в моей системе координат не существует, — цокает языком.

Подходим к танцплощадке.

Пенсионеры танцуют, огни мерцают в ветках сосен.

Киваю на Фёдора Степановича.

— Ваш друг скучает, а вы тут за дамой ухлёстываете.

— Он скучает, потому что не может ухлёстывать за своей дамой.

— Почему?

— Миледи о нас не лучшего мнения, но скоро мы это исправим.

— Алексей, я знаю, что что-то задумали. И мне это не нравится.

— Но вы ведь даже не знаете, что я задумал.

— А ничего хорошего придумать вы не можете, увы, — развожу руками в притворном сожалении.

Отхожу к столу со скромными закусками. Чувствую себя неуклюжей, нескладной, топорной и совсем чужой здесь.

Алексей вдруг хватает меня за руку и закручивает вокруг своей оси. Я, оступаясь от неожиданности, едва не падаю, но он ловко прижимает меня к себе.

— Вы так напряжены, Любовь Андреевна! Давайте расслабимся!

— Мне прекрасно быть напряжённой.

— Просто вы не знаете, каково это — быть расслабленной. Сейчас научу!

Он энергично двигается в такт музыке, заставляя и меня двигаться вместе с ним, словно куклу.

— Ну вот, вы только посмотрите, как хорошо у вас получается!

Не удерживаюсь от улыбки.

И задорное тепло разливается в груди.

— Бабуля-рецидивистка пожаловала, — ухмыляется Алексей, скосив взгляд в сторону.
— Сегодня утатила мой джем, а теперь печенье шоколадное по карманам ныкает.

Оборачиваюсь, проследив за его взглядом. Вспыхиваю тут же.

— Любовь Викторовна, — хмурю брови. Убрав с себя руки Алексея, иду к «рецидивистке». — Любовь Викторовна, да вы что?! Вам нельзя такое есть!

Бабуля виновато улыбается и быстро исчезает в толпе.

Вот же...

Когда им надо, так они вон какие шустрые.

— Она тоже Любовь? — Подходит Алексей.

— Ага. Тёзка моя.

— Ну, тогда не удивлён, — закатывает глаза. — Все Любы — воровки.

— Что?!

— Да-да, вы тоже воровка.

— Что я украла?!

Алексей одним широким шагом преодолевает разделяющее нас расстояние, сгребает берёт мою руку, кладёт себе на грудь.

— Чувствуете?

— Что? — Спрашиваю на выдохе.

— Пусто стало. Раньше здесь сердце было, а как только я вас увидел, оно исчезло. На его месте льдинка теперь, Любовь Андреевна. И у меня есть лишь одно объяснение, куда именно могло деться моё сердце.

— Какое?

— Это вы у меня его украли.

Смотрю в его бездонные глаза.

Я дурная совсем, не улавливаю смысла слов.

А под моими подрагивающими пальцами всё же лупит, стучит бойко... Нет, не льдинка. Горячее, рычащее мужское сердце.

И моё, вторя ему, тоже ускоряет ритм вдвое.

— Глупости какие-то, — встряхиваю головой, прогоняя наваждение. — Вы всем женщинам это заливаете в уши?

Энергичная музыка вдруг сменяется медленной, что даёт Алексею возможность проигнорировать мой вопрос. Вместо ответа он за локоть тянет меня в самый центр импровизированного танцпола.

Его крепкие руки ложатся на мою талию.

Ведёт он очень уверенно, и не отрываясь смотрит в мои глаза.

— Любовь Андреевна, а вы мой букет не выбросили в мусор, я видел.

Краснею.

— Жарки в красной книге. Кошунственно их выбрасывать.

— О, ясно. А я уж, грешным делом, решил, что и у меня есть шанс ваше сердечко украсть.

Молчу, сурово поджав губы.

И сердечко глупое долбит как бешеное в рёбра.

— Ничего не ответите мне, Любовь Андреевна? — Склоняется он ближе, обдавая тёплым дыханием шею.

Мурашки бегут по плечам.

— Алексей, я знаю, что нужно мужчинам вашего сорта.

— Мужчинам моего сорта? Очень интересно, расскажите, прошу.

— Я интересую вас исключительно как трофеев. Вас зажигает охота. Вы и сейчас на охоте, верно? Думаете, расставили силки, и глупая Люба в них попадёт?

Алексей склоняет голову вбок.

— Не попадёт? — Закусывает губу.

— Я не хочу стать очередным именем в списке ваших побед.

— Так станьте точкой в этом списке.

— В такие чудеса я не верю.

— Не верите, что мужчина может потерять голову? Любовь Андреевна, скажите, кто вас так обидел, что вы людей не подпускаете на пушечный выстрел?

— Это...

— Погодите, угадаю: это не моего ума дело? — Выгибает со скепсисом бровь.

— Совершенно верно. А теперь, Алексей, я вас оставлю. Развлекайтесь и...

Делаю шаг в сторону, отстраняясь, однако он не позволяет — дёрнув меня к себе, прижимает плотней к твёрдому, крепкому и пышущему жаром телу.

Улыбается опасно.

— Нет уж, Любовь Андреевна, мы с вами только начали.

Глава 21

Алексей.

— Держите, Любовь Андреевна, — протягиваю стаканчик с горячим какао и присаживаюсь к Любаше на поваленное бревно.

Она забирает подношение торопливо, так, чтобы не приведи господь не соприкоснулись даже кончики наших пальцев на пластиковой поверхности.

Шуганная вы какая-то, Любовь Андреевна, — вскидываю в молчаливом упрёке брови, однако все мои сигналы и знаки Снежная Королева игнорирует. Или же просто делает вид, что игнорирует.

Мы устроились чуть вдалеке от танцплощадки. На фоне соснового леса мелькают разноцветные огоньки, под пёстрым тентом качаются пожилые пары, стараясь подстроить шаг под неспешные хиты восьмидесятых.

Люба держит от меня дистанцию, однако не убегает, и уже одно это вселяет в меня оптимизм. Сегодняшний день определённо принёс прогресс, и я чувствую себя победителем даже на этом самом маленьком и хрупком участке фронта.

Сложная она.

Но чем сложнее механизм женщины, тем интересней его взламывать. А уж дефицита средств для взлома я не испытываю, в моём волшебном рукаве их много припрятано, на все случаи жизни.

Разноцветные огни отражаются на лице Любаши, подсвечивают её гордый профиль.

Я пытаюсь мысленно вырезать её из этой истории и вставить во что-то более привычное для меня. Ночной клуб, предположим...

Любой ночной клуб — это шведский стол. Девяносто процентов людей приходит туда не для того, чтобы покататься под музыку. Мужики ищут дам, которых можно снять на ночь. Дамы ищут мужиков, готовых их снять.

Взаимовыгода сплошная.

Однако Любаша в эту картинку вписываться не хочет. При всём желании я не могу представить, что она, вот эта самая Снежная, со своим гордо вздёрнутым греческим носиком, приходит куда-то в поисках мужика.

Кажется, она лучше под колёса КАМАЗа бросится.

— Что? — Любаша чуть закатывает глаза, глядя на меня привычным «какой же вы идиот, Алексей» взглядом.

Ничего, к этим её безмолвным выпадам я уже адаптировался.

— И всё-таки, Любовь Андреевна, как вас сюда занесло?

— Ветром, — язвит.

— Чувство юмора у вас отменное, это я уже понял. А если серьёзно? Где вы учились?

Люба чуть пожимает плечами, проводит кончиками пальцев по грубой коре бревна.

— В Красноярском медицинском. Поступала на педиатра, но доучиться не вышло, так и осталась медсестрой.

— Почему не доучились?

Спрашиваю небрежно, делая вид, что мне не особенно-то интересны эти страницы её биографии. Потому что чувствую — ступаю сейчас по тонкому льду, и чуть сильнее надавлю — рухну в ледяную воду.

Люба молчит несколько секунд, глядя в сторону, и я вижу, как меняется её лицо, как заостряются черты, становясь чуть строже.

— Мама тогда заболела, — говорит она тихо, будто через силу. — Потом отец умер. Маму это подкосило ещё больше, мне пришлось вернуться, бросить учёбу. С мамой осталась.

Оченьгодились мои навыки медсестры... Правда, ненадолго. Мама вскоре тоже умерла. А я так и не вернулась доучиваться. Зато диплом медсестры уже был на руках. Я сначала пошла в Курганскую больницу, но там не смогла долго проработать. Всё в этом городе о маме и об отце напоминало. Потом увидела вакансию здесь, в санатории Шадринском. Приехала на сезон, а потом осталась.

Говорит без пафоса, даже без горечи. Просто. Почти обыденно, словно рассказывает о том, что съела на завтрак.

Но в глазах Любаши столько скорби, что внутри меня всё скручивается в тугой узел.

Потерять тех, кто был тебе, вероятно, дороже всех на свете.

И в свете новой информации колкости Любаши обретают новый сакральный смысл: это лишь броня. Броня, под которой она прячет свои настоящие чувства.

— Я искренне соболезную, Любовь Андреевна.

Она улыбается, словно извиняясь за то, что испортила легкую атмосферу вечера своим коротким, но тяжёлым рассказом.

Пальчики, нервно карябающие кору, ускоряются.

Накрываю их ладонью и Люба, вскинув на меня затравленный взгляд из-под пушистых ресниц, моментально отодвигается ещё на десяток сантиметров.

— Ну, а... А у вас? — Рассеянно убирает прядь волос за ухо, отпивает какао. — Надеюсь, у вас все живы?

— Да, все живы. Мама, отец... Я настоящий счастливчик. Правда.

— Общаетесь с родителями?

— А как же иначе?

— Сейчас какая-то новая мода пошла, — фыркает с пренебрежением Любаша. — Люди предпочитают держаться подальше от корней. Уезжают на другой конец страны от родителей, бабушкам не звонят...

— О, нет, — улыбаюсь. — С моими «корнями» такое не прокатит! От моей мамы и её стряпни никуда не деться. А отец... С отцом у меня особые отношения. Знаете, как он с мамой познакомился? Он в Египет поехал отдыхать с друзьями, и на обзорной экскурсии увидел маму. Она ему понравилась очень, поэтому, когда их пересадили на катер и повезли показывать местных акул, он «случайно» столкнул её в воду, а потом «героически» спас.

— М-да, Алексей. Гены — страшная штука.

— О чём вы?

— Вы с отцом используете одни методы.

— Бросьте, Любовь Андреевна, я ведь вас в воду не толкал, — едва заметно двигаюсь по бревну к ней ближе. — Если вас утешит, акулы те были китовые, не опасные для человека. Они планктоном питаются.

— А вашу маму это утешило? — Прищуривается.

— Ну... Если я сижу перед вами, значит, она смогла с этим смириться.

— Весёлая у вас семейка.

— Ещё бы! Отец в детстве меня на рыбалку брал. Мы уезжали далеко за город, садились в лодку и плыли, плыли... Однажды на одной из таких рыбалок я увидел нефтяной бур. Он так страшно гудел, и мне всё интересно было, что там за машина такая железная, огромная. Впечатлился. Думал сначала, что вырасту и сам буду землю бурить и нефть добывать, а потом вырос и понял, что гораздо выгоднее её транспортировать.

Любаша дёргается, словно от пощёчины.

Пальцы на стаканчике конвульсивно сжимаются.

— Вы... Вы занимаетесь нефтью?

— Да, а что? Это хорошо или плохо? Женщин, знаете ли, обычно это впечатляет.

— Впечатляет... — медленно.

И тут же натягивает на лицо не самую правдоподобную улыбку.

Меня не покидает ощущение, что я сказал что-то лишнее.

Что?

Про нефть? Про рыбалку? А может, просто не стоило хвастать семьёй, учитывая Любашин бэкграунд?

Небо, дай мне знак! Я уже заколебался тыкаться в темноте, как слепой котёнок.

Эта Любовь Андреевна — как лабиринт древней пирамиды.

Оба синхронно вздыхаем и задираем головы к небу.

Над нами темнеет ночь, полная ярких звёзд, каких никогда не увидишь в Москве. Тихо поют ночные птицы, стрекочут сверчки, запах хвои смешивается с лёгким ароматом Любашиного парфюма.

Мне хочется просто замереть, оставить этот момент в памяти таким, какой он есть сейчас: хрупким, настоящим и абсолютно прекрасным в своей простоте.

Но Люба резко оживает и кивает в сторону танцплощадки.

— Посмотрите-ка, а ваш Ромео духом воспрял.

Пытаюсь проследить за направлением её взгляда.

Степаныч, расправив плечи и дёрнув как следует полы пёстрой рубахи, идёт к Миледи.

— Не Ромео, а д'Артаньян. Итак, Любовь Андреевна, приготовьтесь. Сейчас мы с вами станем свидетелями исторического момента.

По площадке разносится медленная музыка.

Степаныч нерешительно, но настойчиво приглашает свою даму сердца на танец. Миледи косится на него с нескрываемым подозрением, однако соглашается и вкладывает свою изящную ладонь в его.

Лезу в барсетку.

— Любовь Андреевна, вы только не сердитесь, но мне сейчас нужно будет провернуть небольшую диверсию.

— Я против! — Тут же вскакивает и подбочивается.

— Вы же даже не знаете, что я собрался делать!

— Алексей, что бы вы там ни задумали, говорю вам — нет.

— Почему?!

— Потому что ничего хорошего вы придумать не в состоянии! Только пакостите!

Достаю фейерверк.

Люба хватается за голову.

— Вы с ума сошли?!

— Будет красиво, эффектно! Вам понравится, — убеждаю её, доставая зажигалку.

— Не смейте, Алексей, не смейте! — Бросается ко мне, пытаюсь отобрать пиротехнику.

Мы нелепо боремся.

Чиркаю зажигалкой, удерживая её вместе с фейерверком над головой. Любаша, явно уступающая мне в росте и силе, повисает всем весом на моём плече, вынуждая опустить руки вниз.

— Любовь Андреевна, да что же вы такая противная!

— Ах, это я противная?! — Наступает каблучком мне на носок. — Я сейчас вам покажу противную!

Коленом заряжает по стратегически важному объекту — прямиком в хрустальные Фаберже.

В башке звон.

Из глаз искры.

Однако я намерен довести начатое до конца.

Преодолевая боль снова чиркаю зажигалкой. Любаша, бросаясь грудью на амбразуру, снова дёргает мою руку вниз и направляет петарду в сторону танцпола.

Я даже сообразить не успеваю, как вспыхивает яркая вспышка — синяя, фиолетовая, розовая, ослепительная — и с громким свистом ракета уносится прямо в тент.

Пламя охватывает ткань мгновенно, ярко и стремительно, словно оно только и ждало возможности вырваться на свободу. Танцующие пенсионеры в панике разбегаются в стороны.

— Теперь меня точно уволят... — шепчет Люба, широко раскрытыми глазами наблюдая за тем, как пламя жадно пожирает временной портал в восьмидесятые.

Глава 22

Люба.

Ну и вечер...

Дискотека с огоньком закончилась буквально огнём.

Хорошо хоть, что погода сегодня безветренная, и не разошлось пламя дальше того тента, который эффектно полыхнул и заставил разбежаться всех наших зауральских диско-фанатов.

Иду по тропинке. Влажное платье неприятно липнет к телу, словно вторая кожа. В туфлях чавкает вода.

Рядом со мной плетётся Алексей — понурый, насупившийся, как побитый пёс. Тоже весь мокрый, рубашка прилипла к спине, волосы сбились в смешные вихры.

Надо отдать ему должное: он первым бросился тушить огонь.

Скоординировал толпу, отправил стариков подальше, а сам метнулся в главный корпус и вытащил пожарный шланг через окно.

Говорят, человека лучше всего узнавать по тому, как он ведёт себя в критической ситуации. Ну что же, в критических ситуациях Алексей оказался до раздражения хорош.

Смотрю на него украдкой, и сама не понимаю, как меня одновременно может бесить и так притягивать этот самоуверенный городской хулиган.

Но даже ругаться на него не хочется сейчас

Идём молча, только наши шаги — монотонные удары по вечерней тишине.

Воздух по-прежнему пахнет дымом и мокрой хвоей.

У входа в мой корпус останавливаемся.

Молчание висит между нами — электрическое, чуть натянутое.

Алексей рассеянно растирает шею, словно надеется стереть с себя остатки неловкости. Поднимает на меня тёмные глаза.

— Любовь Андреевна, вы... простите меня... пожалуйста, — смотрит с той самой невинностью, которой обладают только безнадежно виноватые мужчины.

Взгляды наши в полумраке пересекаются.

Во мне борется привычная строгость и что-то совсем другое, более глубокое и уязвимое.

Не стоит играть в эту игру, Люба. В ней всё заранее проиграно.

— Алексей, я уже ничему не удивляюсь рядом с вами. С вами вообще всё наперекосяк.

Он виновато хмыкает.

— Да, есть такое. Вот такой я человек.

— Какой?

— Проблемный.

— Не то слово, — вздыхаю, стараясь скрыть улыбку. — Ладно, идите уже, не мёрзните. Заболеете, потом мне лечить вас, уколы ставить.

Делаю шаг в сторону двери.

Алексей ловит меня за руку — осторожно, но уверенно, тёплая ладонь обхватывает мои пальцы, переплетаясь с ними.

Разворачиваюсь к нему, снова ловлю этот уязвимый, почти мальчишеский озорной взгляд.

— Любовь Андреевна, я вас не хочу отпускать.

Слова тихие, сказанные на выдохе, прокатываются по позвоночнику тёплой волной. Внутри мгновенно всё сжимается, поднимаясь в горло.

Нет, нет, Люба, только не это...

Молчу.

Потому что ответ застрял где-то между ребер.

— Ну, что скажете?

А что мне сказать?

Я, кажется, всякую способность говорить утратила.

— Уже поздно, Алексей. — Выдавливаю с трудом. — Идите, правда. Вы весь мокрый, заболаете.

— Мокрый? — усмехается. — Так это вообще не проблема.

Алексей, с вызовом глядя мне прямо в глаза, расстёгивает пару верхних пуговиц, стягивает рубашку через голову и бросает её к нашим ногам.

И стоит передо мной теперь, с обнажённым торсом, от которого исходят тепло и этот дразнящий мужской запах.

Господи, ну почему он так хорош?

Сердце ускоряет бег, дышать становится сложнее.

Взгляд мой, беззастенчиво-любопытный, шарит по мужскому телу, оглаживает тугие мышцы плеч и крепкого торса.

— Ну? — Подмигивает. — Так лучше?

Позер!

— Так хуже, — сглатываю.

— И чем же плох мой облик теперь?

— Вы слишком обнажены.

— А на вас слишком много брони, Любовь Андреевна. Есть ли какой-то ключик от неё?

Медленно качаю головой.

— Если бы я знала.

— Я могу подобрать.

— Не стоит. Лучше оставить всё как есть.

Ветер холодными иголками пронизывает кожу, забираясь под влажное платье. Мокрые волосы липнут к шее, капли воды, стекая по спине, отчаянно напоминают мне, каким эпичным финалом закончилась сегодняшняя дискотека.

Но мне не холодно вовсе.

Мне душно, жарко, и отчаянно хочется обмахнуться ладонями, чтобы немного сбить градус напряжения в теле.

— Любовь Андреевна, серьёзно, если вы не хотите меня подпускать к себе как мужчину... Боитесь или есть ещё какая-то причина, о которой я не догадываюсь, разрешите мне хотя бы дружить с вами. Просто дружить.

Дружить?

С ним?

Отличная шутка.

Я бы и рада, быть может, но кто мы такие, чтобы бороться с законами физики?

С таким притяжением не дружат...

— Алексей, а вы уверены, что умеете дружить с женщинами?

— Нет, — качает головой и широко улыбается, обнажая ровный ряд зубов. — Честно — нет. Никогда не умел и даже не пытался. Я вообще всегда считал, что дружить с женщиной — это оскорбление мужского достоинства. Однако, Любовь Андреевна, если это единственный вариант мне находиться в вашем обществе, то я согласен. Придётся, правда, немного притеснить своих внутренних демонов, но думаю, что это даже пойдёт им на пользу.

— Не очень-то я доверяю вашим внутренним демонам и тому, что они согласятся быть притеснёнными.

— А это уже не ваши проблемы. С ними я как-нибудь сам разберусь. — Склоняет голову к плечу. — Так что, вы согласны?

И пялится так, что мне становится не по себе — словно подо мной внезапно разверзлась бездна, и я только делаю вид, что твёрдо стою на ногах. На самом же деле проваливаюсь куда-то в пропасть.

Вдыхаю и киваю.

— Хорошо. Я согласна с вами... просто дружить.

— И я ловлю вас на слове, — поднимает указательный палец. — Теперь не вздумайте выкручиваться и говорить, что обещали перемирие лишь на сутки.

— Я не...

Алексей закончить не позволяет — резко подаётся вперёд, касается губами моей щеки.

Быстро. Смущённо. Совсем по-мальчишески и даже немного неловко.

Поцелуй горит на коже.

Сердце сбивается с ритма, и я едва успеваю сообразить, что нужно дышать.

— Алексей, что...

— Это по-дружески, Любовь Андреевна, честное пионерское, — шепчет с усмешкой, подхватывает рубашку, и, перекинув её небрежно через плечо, уходит, насвистывая себе под нос.

Заторможенно прикладываю пальцы к щеке.

Долго не двигаюсь, растворяясь в какой-то ватной неге.

Господи, какая же ты дура, Люба! Какая же ты идиотка!

Вваливаюсь в свою комнату, быстро раздеваюсь и ныряю под одеяло. От волос моих ещё пахнет дымом, а на щеке — горячий след его губ.

Да что ж это такое! Ты же взрослая, умная, серьёзная женщина. Ты же знаешь, чем всё это кончится. Ты же видела таких ловкачей!

Они — как магнит.

Подцепят, покрутят, выбросят...

Или не выбросят?

Вот только этого не хватало — верить в чудеса в тридцать с хвостиком, да ещё и после того, как жизнь твоя ни разу не была похожа на сказку.

Всё ещё веришь, что он дружить намерен?

Нет. Я ведь не идиотка, но...

Но внутри уже вибрирует что-то тонкое и жаждущее. Не дружбы — нет, чего-то гораздо более страшного и настоящего.

Но это не время для признаний.

Засыпаю с ощущением тепла на щеке, а утром просыпаюсь от запаха свежего кофе.

Кажется, я начинаю привыкать...

За окном солнце, тёплый ветер, а подоконник снова занят: на нём стоит знакомый стаканчик из кофейни, аккуратный букетик, только без жарков, намекающий на то, что Алексей прислушался к моим ворчаниям.

И короткая записка:

«Жду вас сегодня вечером на дружеском ужине.

Ваш Кай».

Глава 23

Алексей.

Следующим утром шествуем со Степанычем за серьёзной медсестрой по узкому коридору, выставленному от пола до потолка кафельной плиткой оттенка уныния.

Запахи здесь стоят ну просто волшебные!

Чарующая смесь болотного ила, сероводорода и гниющего мамонта, которого забыли вытащить при раскопках, и теперь он разлагается где-то в чугунных недрах старой сантехники.

— Грязевые ванны — это уникальная процедура, которая снимает усталость, лечит суставы, обновляет кожу и восстанавливает силы! — Гордо заявила сегодня терапевт, раздавая нам назначения.

Она забыла упомянуть, что эти самые ванны ещё и уничтожают остатки достоинства.

Оказалось, санаторное лечение — это не только минеральную водичку попить да бабушкам глазки строить. В этом пыточном царстве есть процедуры и пожётсче.

Если бы Данте знал, какие круги ада приготовлены бедным отдыхающим в провинциальном санатории «Звезда Зауралья», он явно расширил бы список мучений.

Медсестра открывает дверь, пропускает нас со Степанычем вперёд и встаёт, преграждая путь к отступлению, чтобы не сбежали.

Видать, были прецеденты.

Посреди комнаты стоят две огромные, покосившиеся от времени ванны. Внутри плескается что-то коричнево-чёрное, густое и мутное.

— Проходим, товарищи, раздеваемся и ложимся, — сурово приказывает медсестра.

— Эх, Лёшка, — морщится Степаныч, — на что только не пойдёшь ради здоровья. И почему у них всё полезное всегда такое гадкое на вид и запах?

— Это чтобы жизнь мёдом не казалась. Иначе не поверишь в целебность процедуры.

Синхронно со Степанычем вздыхаем и сбрасываем халаты. Шагаем неуверенно, словно на плаху идём.

— Ну, Алексей, понеслась! — подбадривает Степаныч и первым опускается в зловещую жижу.

Я жду пару секунд, внимательно вглядываясь в этого отчаянного смельчака.

Ну, мало ли, вдруг растворяться начнёт?

Но нет, Степаныч кряхтит, пыхтит, кривит лицо, однако выглядит вполне живым.

Следую его примеру и погружаюсь в целебную грязь.

Господи. Если рай существует, то это его идеальный антипод.

Мурашки разбегаются по всему телу.

Ощущения так себе: будто лежишь в гигантской банке несвежей сгущёнки, в которую случайно уронили пару десятков тухлых яиц. Да ещё и какими-то комками всё. Надеюсь, это не остатки предыдущих пациентов.

— Наслаждайтесь спа-процедурами, — бросает медсестра и выходит, прикрыв за собой дверь.

Я, человек, привыкший к спа-центрам с видом на море, к аромамаслам с биркой «лимитированная серия», сделанным из молока самки единорога, понимаю, что вся эта архаика ничего общего со спа-процедурами не имеет.

А вот с пытками времён средневековья — очень даже.

Поворачиваюсь к Степанычу.

Глаза его полузакрыты, лицо скорбное, перекошенное слегка, как у русского интеллигента на вечере философской поэзии.

Я морщусь, стараюсь не вдыхать слишком глубоко, иначе мозг наполняется теми самыми газами, которые этой жижей и выделяются.

— Ну что, Степаныч, кайфуешь?

— Ох, Лёшка... — он с чувством закатывает глаза к потолку. — Вся жись моя сплошной кайф.

— Ты сегодня какой-то особенно печальный, дед. Ванны эти не радуют, понимаю, но ты с утра ходишь как в воду опущенный.

Степаныч тоскливо пожимает плечами.

— Лёшка, что ж у нас с тобой всё что ни делается, всё к худшему?

— Э нет, неправильно говоришь, — возражаю, пытаюсь устроиться поудобнее в жиже. — Всё, что не делается, всё к лучшему. Просто мы пока не понимаем, к чему именно нас ведёт судьба.

— К чему? Вижу я, к чему. К психиатрическому диспансеру нас с тобой ведёт. С твоими идеями ещё пару дней, и прямиком туда попадём. Мы же для общества опасны.

— Это не мы для общества опасны, а оно для нас. Убивает весь энтузиазм и жажду жизни своей серостью. А мы, считай, два филантропа, жертвующих собственным спокойствием во имя человеческих улыбок. Мы, так сказать, добро причиняем. Снимаем паутину с местных тухлых будней. Санаторий такой движухи давно не видел.

— Движуха, — усмехается грустно. — Миледи моя после вчерашнего снова смотрит на меня, как на дурака. Всё насмарку.

— Да брось, Степаныч. Она на всех так смотрит. У неё просто разрез глаз такой!

Дед снова вздыхает и поворачивает голову ко мне.

— Ну а ты? Как твоя Снежная Королева поживает? Тоже скептически смотрит?

От одной только мысли о Любаше внутри разливается странное тепло.

Фыркаю.

— Да нормально всё. Мы теперь «дружим».

— Дружите? — Степаныч саркастически приподнимает бровь. — Прямо вот дружите?

— Ну что ты начинаешь? Конечно, дружить с женщиной я не намерен!

— Ой, Лёшка! — Появляется из-за края чугунной ванны кулак, запачканный грязью. — Смотри мне!

— Чего?

— Голову-то девке заморочишь, а потом уедешь.

— Но ведь мы же с тобой поспорили, что...

— Нет уж! — Перебивает резко. — Я с тобой не спорил. Это ты сам себе этот спор дурацкий навязал!

— Да и плевать, — расслабленно откидываюсь на край ванны, прикрываю глаза. — Я всё равно выиграю. Какая разница.

Действительно, какая разница?

Но несмотря на то, что спортивный интерес во мне действительно очень силен в силу моей беспокойной бунтующей против тривиальностей натуры, внутри себя я чувствую интерес и иного рода.

Люба действительно отличается от женщин, с которыми я привык встречаться.

Нет, не только тем, что строит из себя недоступную и холодную леди. И таких женщин я тоже встречал.

Однако есть в Любе какая-то удивительная глубина.

Женщины, с которыми я привык общаться, как правило, поверхностны. И хочется поизучать, копнуть глубже, да копать-то там некуда. Там лишь припорошено песочком сверху для вида, а глубины никакой.

Читаешь их как глянцевый журнал. Открываешь, а там уже всё расписано: лайфхаки, мотивация, список покупок и инструкция к применению.

А Люба...

В ней будто под толстым слоем снега зарыт настоящий клад. Даже прикасаться страшно-вато. Копаешь и не знаешь, дойдёшь ли до золота, или всё это просто мираж в вечной мерзлоте.

Чем больше копаю, тем больше понимаю, что так глубоко я ещё не погружался ни в кого.

И это, признаться, чертовски затягивает.

— Ладно, дед, расслабься, — перевожу разговор на менее скользкую тему. — Я всё для сегодняшнего вечера уже подготовил.

Степаныч встревоженно таращит глаза.

— Что ещё ты там задумал? Мне уже страшно.

— Тебе просто нужно будет из комнаты на пару часиков исчезнуть.

— А это ещё зачем?

— Я пригласил Любовь Андреевну на дружеский ужин. Хочу создать уютную атмосферу, и твоё присутствие слегка её нарушит.

— Вот так новости! А мне где прикажешь слоняться всё это время? В коридоре с газеткой?

— А ты, отважный д'Артаньян, пригласишь на романтический ужин Миледи. Я заказал доставку из ресторана, кейтеринг накроет столик прямо в сосновом бору. Свечи, романтика, горячая еда и вот это всё. А мы с Любашей пока в нашей комнате уединимся.

— Уединятся они! Ты руки-то свои не распускай, Алексей!

— Ну ты и скажешь, дед, — делаю вид, что оскорблён. — Я к ней и пальцем не притронусь.

И нет, реально даже в планах не было.

Потому что Любовь Андреевна при малейшем намёке на покушение на её границы свернёт меня в бараний рог, порубит на мелкие кусочки, расфасует по пакетам и унесёт Зоюшке, чтобы та меня, словно тесто, вымесила и нового Алексея Попова вылепила.

Степаныч молчит, явно обдумывая предстоящий вечер. Его лицо, покрытое постепенно подсыхающей грязью, кажется угрюмо-растерянным.

И я тоже чувствую внутри странное волнение.

Будто к первому в жизни свиданию готовлюсь.

Пялюсь в потолок.

Любаша — это ведь настоящий ураган.

То сносит меня ветром, то хлещет льдом, а иногда, словно по ошибке, обдаёт теплом.

Зажав нос, погружаюсь в грязь глубже.

Если эти целебные ванны лечат всё, может, и моё беспокойное сердце исцелят?

Глава 24

Люба.

Сегодня явно не мой день.

Он не мой с самого утра, но к вечеру окончательно переходит в категорию стихийных бедствий.

Я мечусь по комнате, стараясь успеть всё сразу.

Говорят, у женщины два состояния: «Я всё контролирую» и «Господи, да гори всё синим пламенем».

Похоже, моё второе состояние просыпается сразу, как только речь заходит об ужине с Алексеем Поповым.

Нервно поглядываю на часы, быстро перебирая горячим утюгом по шифоновой блузке. Это единственная приличная вещь, оставшаяся в моём скромном гардеробе.

Блузка нежная, воздушная, с аккуратным кружевным воротничком — купила её год назад и берегла на особый случай.

Сегодня, кажется, как раз тот самый случай.

В идеале я должна выглядеть ровно на нулевое усилие — будто и так всегда хожу в облаках кружева.

В реальности часы напоминают: у тебя двадцать минут, Подольская, чтобы из медсестры превратиться в женщину, вызывающую лёгкое головокружение.

Волосы, накрученные на мелкие бигуди, раздражающе тянут кожу головы, превращая меня в страдальцу эпохи рококо.

Таймер телефона вдруг разрывается визгом.

Бросаю утюг и мчусь выключать маленький аппарат для воска, который уже зловеще булькает, перегреваясь.

Обжигаю пальцы, опрокидываю аппарат и горячий воск летит на юбку, сложенную на стуле.

— Ну нет! — Со стоном отчаяния пытаюсь отскоблить быстро застывающую жижу.

Безнадёжно.

Бросаюсь в ванную застирывать пятно. Вода льётся, мыло пенится, я тру ткань до боли в пальцах. Однако жирное пятно от воска всё равно никуда исчезать не планирует.

В нос ударяет какой-то посторонний запах.

Принюхиваюсь настороженно.

Дым?

Неужто Алексей снова балуется?

И вдруг до меня доходит...

— Господи, утюг!

Сердце подпрыгивает к горлу, я выскакиваю из ванной и вижу свою чудесную блузку, обьятую облаком дыма.

Выключаю утюг, растерянно разглядывая аккуратную, прямо-таки идеальную дырку в том месте, где у приличных женщин декольте.

Кажется, ещё чуть-чуть, и я расплачусь.

— Что за день сегодня? — Вопрошаю к небесам, однако вопросы мои сегодня остаются без ответов.

В дверь резко стучат.

Пугаюсь, кидаюсь открывать и, запнувшись за шнур утюга, едва не падаю.

Открываю.

На пороге стоит Лена.

При виде меня она ошеломлённо вытаращивает глаза.

— Любаш... Ты в порядке?

— Всё плохо, Лен... — жалобно ною я, позволяя ей войти.

Ленка оглядывает мою комнату, похожую сейчас на жертву бомбёжки, широко раскрывает рот от удивления. В её глазах немой вопрос, который она озвучивает с осторожностью:

— Ты переезжаешь, что ли, Подольская?

— Нет...

— Тебя обокрали?

— Я... Я на ужин иду, — бурчу, смущаясь.

— Какой ещё ужин?

— С Алексеем...

Ленка всплёскивает руками и восторженно пищит, подпрыгивая на месте.

— О боже, свидание!

— Это не свидание! Просто ужин. Дружеский ужин.

— Ага, конечно, — хитро прищуривается. — Я тоже всегда так собираюсь на «не свидание». А это что? — Кивает на прожжённую блузку.

— Это... Это была моя лучшая вещь, — всхлипываю, чувствуя себя жалкой и смешной.

— Ясно... — С сочувствием. — Любаш... А что у тебя с волосами?

— Должны получиться красивые локоны, — подхожу к зеркалу. Как раз пора их снимать. Выпутываю осторожно волосы из оков этого пыточного орудия.

О, нет...

Вместо изящной волны кудри получаются слишком плотными и мелкими, и встают на голове, словно рожки.

Много-много маленьких рожек...

— Боже мой...

Лена подходит ко мне со спины, кладёт свои ладони на мои плечи.

— Ничего, Любаш, мы сейчас всё исправим.

— Как? Налысо меня побреем? Так, ничего... — Шарю по трюмо в поисках расчёски. — Сейчас... Сейчас я это дело причешу.

— Любаш, мне кажется, не стоит этого делать.

Но в советах Любаша не нуждается.

Она и без чужой помощи прекрасно знает, как всё испортить.

Остервенело чешу волосы, превращая мелкие рожки в пышную копну пушистого хаоса. Из отражения на меня ошеломлённо таращится совершенно безумная женщина с огромным облаком на голове.

Опускаюсь на пол и закрываю лицо руками.

— Всё, я не пойду, Лен. Я официально сдаюсь.

— Ничего не сдаёшься, Подольская! Сейчас мы с тобой всё решим.

Я хочу возразить, но вдруг чувствую холодную влагу у ног. Резко открываю глаза.

Из ванной вытекает вода. Она уже в комнате!

Подпрыгиваю и мчусь туда, проклиная весь сегодняшний день.

Моя юбка закупорила сток, и теперь вода предательски льётся через край.

— Нет, нет, нет!

Закрываю воду, хлюпая босыми ногами по мокрому полу. Бросаю в лужу полотенце, но на этом моя решимость бороться с беспорядками покидают меня.

Падаю на кровать лицом вниз, ощущая полнейшую безнадёжность ситуации.

— Любаш... — Лена трогает меня за плечо.

— Нет.

— Вставай, ещё есть время.

— Нет, сказала.

Слышу, как Ленка набирает в лёгкие воздух.

Ох... Орать сейчас будет, наверное.

— А ну поднимай зад, Подольская! — Оправдывает ожидания подруга.

— Не трогай меня. Дай умереть в покое, — бормочу в подушку.

— Немедленно сядь и прекрати ныть! — Властно приказывает и сама поднимает меня в положение сидя.

Сажусь покорно.

— Я сама всю жизнь с этими кудрями мучаюсь, — бормочет Ленка, копаясь в моей косметичке. — Расслабься. Делаем гладкий пучок, чуть объёма здесь, здесь... Всё, дыши.

Она умело наносит мусс, укладывает волосы в строгую элегантную шишку. Вкалывает шпильки.

На губы мои ложится лёгкая помада, ресницы покрывает тушь. Потом Лена придирчиво перебирает мой шкаф и вытаскивает нежно-голубое платье с поясом.

— Вот, надевай.

Послушно, словно кукла тряпичная, натягиваю платье.

Лена удовлетворённо оглядывает меня и выпроваживает к двери.

— Всё, иди отсюда.

— А как же... — развожу руками, указывая на хаос вокруг.

— Я сама здесь приберусь. Потом расскажешь, как прошло.

— Спасибо, Лен, — благодарно целую в щёку свою фею-крёстную и выхожу в коридор.

— Переживаю ведь! — Несётся мне в спину. — Такой нос пропадает...

Иду по тропинке через бор.

Волнение поднимается горячей волной в груди.

Из-за сосен навстречу выходит Алексей. В руках маленький аккуратный букетик нежных розовых цветов. Он тепло улыбается и слегка удивлённо рассматривает мою причёску.

— Любовь Андреевна, вы сменили имидж?

— Да так, решила поэкспериментировать, — смущённо ворчу я. — А вы снова по кустам лазили?

— Сорок минут охотился именно за этими розовыми. Ещё в прошлый раз их увидел. Далеко растут, но я должен был их вам принести. Вам нравится?

Принимаю букетик, нюхаю цветы.

— Очень нравится.

Алексей улыбается ещё шире.

— Наконец-то я хоть что-то сделал правильно.

Вместе идём к корпусу Алексея.

Я молчу, стараясь справиться с волнением, а он беззаботно болтает и шутит, заполняя паузы.

Поднимаемся на его этаж, Алексей открывает дверь в свою комнату, галантно пропуская меня вперёд, взмахивая рукой.

— Прошу, Любовь Андреевна.

Вхожу.

И тут же замираю на месте. Сердце моё проваливается куда-то вниз.

На кровати, игриво закинув ногу на ногу, сидит яркая брюнетка. Длинноногая, бронзовая, в белой рубашке, застёгнутой на одну пуговицу, и джинсовых шортах, которые скорее намёк, чем одежда. В руке телефон с розовым чехлом.

— Привет, малыш, — смотрит не отрываясь на Алексея. — А я тебя уже ждалась...

Гла

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.